ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

орган федерации об'единений советских писателей рсфср

москва 20 июля 1931 г. № 39 (138)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Анц. о-во «Огонек»; Москва, б. Страстной б. 11. Телефон 5-5169.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

на борьбу за бумагу, за каждую новую тонну,

за лучшее использование каждой наличной тонны!

Работа бумажной промышленности не может удовлетворить возросшего спроса культурной революции на бумагу. Этот спрос возрастает гигантскими темпами по всем линиям—на книгу, как и на газету, на массовую копеечную брошюру, как и на большой научно-технический учебник. В порядке дня культурной революции поставлен вопрос о БОРЬБЕ ЗА БУМАГУ, об увеличении общих бумажных ресурсов, об устранении прорывов и неполадок в бумажной промышленности, о дальнейшем развертывании капитального строительства в последней, об использовании бумажной макулатуры (см. статью Х. Кантора в «Правде» за 17 июля). Интересы социалистического строительства требуют крупного увеличения бумажных фондов в ближайшее время.

Художественная литература является одним из мощных орудий развертывания культурной революции. Между тем мы наблюдаем в 1931 году не только ОТНОСИТЕЛЬНОЕ (это было бы закономерно на данном этапе), но и АБСОЛЮТНОЕ падение выпуска художественной литературы вследствие урезки бумажных норм литературно-художественным издательствам. Эти нормы подвергаются к тому же постоянным урезкам и не выполняются полностью и в срок. Перспективы выпуска художественной литературы на второе полугодие 1931 года (и в частности на 3-й квартал) при создавшемся положении крайне неопределенны. Ясно одно: без мобилизации сил на преодоление трудностей мы окажемся перед прорывом в выполнении промфинплана литературно-художественными издательствами.

Положение на бумажном фронте заставляет БИТЬ ТРЕВОГУ. Эта тревога не имеет ничего общего с ПАНИЧЕСКИМИ настроениями, свойственными известным писательским кругам. Таким паническим настроениям должен быть дан решительный отпор. Из года в год вырастала в СССР писательская продукция художественной литературы, оставив далеко позади довоенный уровень, и сейчас речь идет о том, каким образом преодолеть заминку 1931 года и снова поднять издательскую кривую выпуска.

Бумаги МАЛО, но бумага ЕСТЬ. Мы утверждаем (как это подтвердило и заседание Исполбюро ФОСП 16 июля), что и сейчас, при общем напряжении с бумажными ресурсами страны, возможно известное УЛУЧШЕНИЕ в работе литературно-художественных издательств.

Во-первых, необходимо преодолеть элементы бесхозяйственности и оппортунистическую недооценку политической роли художественной литературы, свойственные некоторым планирующим бумажные ресурсы органам. Общеизвестен, например, факт с израсходованием огромного количества бумаги на издание игральных карт. Но и в самом правлении ОГИЗ мы не видим внимательного отношения к нуждам литературно-художественных издательств. Мы утверждаем, что путем ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ бумажных ресурсов ОГИЗ и ПЕРЕСМОТРА планов ряда издательств (без какого-либо ущерба для издательств, выпускающих, например, массовую партийную или научно-техническую литературу, учебники и др.) возможно достигнуть значительного ОБЛЕГЧЕНИЯ с выпуском литературно-художественной продукции. Исполбюро ФОСП совершенно правильно выдвинул во всю широту этот вопрос перед правлением ОГИЗ.

Во-вторых, мы утверждаем, что со стороны ряда литературно-художественных издательств отсутствует энергия в ПЕРЕСТРОЙКЕ работы, в МОБИЛИЗАЦИИ ВНУТРЕННИХ РЕСУРСОВ. Нужная и ценная книга нередко встречает сейчас огромные препятствия для проникновения на читательский рынок. А в то же время происходит выпуск ряда ненужных, вредных, халтурных книжек. Мы ставим вопрос о борьбе ЗА КАЖДУЮ НОВУЮ ТОННУ БУМАГИ для художественной литературы. Но это одновременно означает и борьбу за НАИБОЛЕЕ ПРАВИЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАЖДОЙ ИМЕЮЩЕЙСЯ ТОННЫ, за качество, против брака.

Вопрос о бумаге для художественной литературы не есть узко профессиональный писательский вопрос. Бумага нужна миллионам массам читателей, она нужна для закрепления грамотности в стране, для углубления культурной революции, для дальнейшего развернутого социалистического наступления.

завоевать внимание пролетарской общественности!

на исполбюро фосп

Недостаток бумаги на издание художественной литературы, ломка редакционно-издательских планов, резкое ограничение издательских возможностей—все это уже давно волнует нашу писательскую общественность.

И немудрено, что писатели с интересом ждали заседания Исполбюро ФОСП, на котором с докладами о положении на бумажном фронте должны были выступить руководители наших крупнейших издательств, представители Комитета по делам печати и «виновник торжества»—Союзбумага.

Но, к сожалению, на Исполбюро не явились представители ОГИЗ во главе с **Арт. Халатовым**, а выступивший в прениях сотрудник Союзбумаги т. **Сунин** оказался неофициальным ее представителем и не смог дать каких-либо исчерпывающих объяснений.

Не могло удовлетворить писательскую аудиторию и выступление Комитета по делам печати в лице т. **Малкина**, который в своем анализе причин и средств ликвидации бумажного кризиса ограничился общими словами о том, что «хотя в некоторой части причиной беды являются недостатки в планировании, но большая часть—в общем положении с бумагой», что «уменьшение продукции ГИХЛ по сравнению с предыдущими годами—«ненормально» и нежелательно, что для изжития кризиса «ГИХЛ должен пойти по линии рационализаторских мероприятий».

Это выступление, лишний раз иллюстрируя **недостаточно серьезное внимание** Комитета по делам печати к вопросам художественной литературы, как и неявка на Исполбюро ряда руководящих товарищей из ОГИЗ и Союзбумаги, не без основания рассматривались собранием как своеобразное отражение того, что **многие наши учреждения и ведомства, как и возглавляющие их плановики и хозяйственники, не понимают и недооценивают политического значения и роли художественной литературы в деле идейного перевоспитания широких читательских масс.**

Характерным пренебрежением к художественной книжке следует признать и то положение, о котором сообщили в своих докладах на Исполбюро тт. **Шендерович** (ГИХЛ) и **Шульц** («Федерация»).

— **Отношение к нам со стороны планирующих и оперативных организаций — это явное недоразумение,** — говорит т. Шендерович.

Он рассказывает далее о том, как сокращаются ГИХЛ от так называемой «ликвидации», осуществляемой ОГИЗ. По нормам Комитета по делам печати ОГИЗ получает бумагу для всех своих издательств; но так как нормы эти недостаточны и издательским бумаги нехватает, ОГИЗ начинает «нивелировать», т.-е. добывать бумагу так называемым «ведущим» издательством—Сельхозгиз, ГИТИ, Учпедгиз, Мосиздат, Соцэкгиз и т. д. — за счет «бедных родственников», коим издательства художественной литературы.

— **Роль и значение художественной литературы не соответствуют тому отношению, которое проявляет к ней советская общественность,** — говорит т. **С. Канатчиков.** — У нас почти также плохо быть писателем, как во время А. Пушкина. Писателя недостаточно энергично борют за удельный вес художественной книги. Между тем проблема подготовки кадров — воспитание новых сотен тысяч фабзайцев и рабочих-ударников немыслимо при недостатке в художественной книге.

П. Замойский призывает писателей в поисках выхода «посмотреть в корень», поехать на бумажные фабрики, **принять непосредственное участие в ликвидации кризиса,** проконтролировать работу Союзбумаги.

— Очень много говорилось у нас об отставании художественной литературы от задач реконструктивного периода, — отмечает **И. Сельвинский.** — Одна, **задержка издания книги, злободневной в большом смысле этого слова, часто сводит ее агитационно-политическое значение к значению чисто эстетическому или в лучшем случае историческому.**

И. Сельвинский предостерегает далее от перегибов при изыскании внутренних ресурсов: предлагаемое некоторыми «рационализаторами» уничтожение шрифтов, шпаций и колей неизбежно оттолкнет от художественной книги массового читателя и во всяком случае создаст для него большие трудности.

Выступившие далее **Ив. Новиков, Д. Либерман, А. К. Виноградов, В. Регинин, А. Эфрос, Субботин, Галлэ и др.** призывали писателей к активному участию в ликвидации бумажного кризиса и к завоеванию большего общественного внимания к вопросам и нуждам художественной литературы.

Подготовленная прения, т. **Селивановский** указал, что в них недостаточно был затронут вопрос об улучшении качества издательской продукции, о мобилизации внутренних ресурсов:

— **Речь идет о том, что при любом положении мы в ближайшее время не сможем полностью удовлетворить нужду в художественной литературе. Это обязывает нас к тому, чтобы найти какие-то перспективы, какие-то средства смягчения кризиса.**

В своем плане т. Селивановский ставит вопрос о пересмотре книжных тиражей: у нас часто в одном и том же тираже выходит и хорошее, полезные книги, которые надо сразу переиздавать, и явно плохие, которые бы можно было не выпускать совсем.

О необходимости полностью использовать все имеющиеся возможности, уделить максимум внимания мобилизации внутренних ресурсов говорит и **Г. Коренев:**

— **Однако экономия бумаги ни в коем случае не должна итти по линии массовой книги.**

Исполбюро ФОСП приняло печатаемую сегодня в «ЛГ» резолюцию. Для детального ознакомления с положением на бумажном фронте им создана специальная комиссия, в которую вошли **Г. Коренев, Ф. Гладков, И. Сельвинский, Л. Сейфуллина, А. Селивановский, В. Соловьев, Г. Шульц** и **А. Караваева** и по два представителя от ленинградских писателей и от рабочих-ударников.

Комиссии поручено поставить перед правительством вопрос **о необходимости проявления большего внимания к нуждам художественной литературы** со стороны советских планирующих, хозяйственных и оперативных организаций и **об увеличении бумажных ресурсов на издание художественной книги**

ДЕКА

резолюция исполбюро фосп

об обеспечении бумагой издательств художественной литературы в 1931 г.

Огромные успехи социалистического строительства в нашей стране, обеспечивающие уже в этом году построение фундамента социалистической экономики, быстрый подъем политического и культурного уровня широких масс рабочего класса, колхозников и всех трудящихся — вызвали небывалую потребность масс к печатному слову. Гигантски растут тиражи наших газет, не покрывается спрос на общественно-политическую, техническую и сел.-хоз. литературу, на учебники, на научную книгу; далеко отстает от спроса и издание художественной литературы.

Призыв к литературу ударников (рабочих и колхозников) выдвинул тысячи новых писателей, связанных непосредственно с производством — с заводом, фабрикой, колхозом, совхозом.

Значительно выросла в идейно-политическая роль художественной литературы. Литература не на словах, а на деле становится оружием культурной революции, оружием агитации и пропаганды за боевые темы социалистического труда, производства, перестройки быта.

Но несмотря на это, положение на издательском фронте художественной литературы неудовлетворительно. Запроектированные нормы бумаги в текущем году, особенно во втором полугодии, по Госиздартенному издательству художественной литературы не обеспечивают нормальной работы издательства по выпуску книжной продукции. Это об'ясняется тем, что 1) редакционно-издательский план ГИХЛ — основного издательства художественной литературы на 1931 г. уже проектировал снижение на 18 проц. в отношении 1930 г., и 2) фактическое снижение норм бумаги выражается еще более высокими цифрами, что произошло в результате последующих изменений и урезки плана по ГИХЛ в самой системе издательств, об'единяемых ОГИЗ. Многие виды художественной литературы во втором полугодии бумагой почти не обеспечены.

С другой стороны, расширенное заседание Исполбюро ФОСП констатирует, что издательства художественной литературы до сих пор решительно еще не мобилизовались на борьбу за накопление бумажных ресурсов внутри издательств и в особенности на борьбу с выпуском негодной продукции. По всем издательствам (ГИХЛ, «Федерация», МПИ, издательство писателей в Ленинграде и т. д.) в первом полугодии израсходовано значительное количество бумаги на выпуск ряда недоброкачественных, не актуальных, а иногда и совершенно вредных идеологически или халтурных книг.

Расширенное заседание Исполбюро ФОСП в целях обеспечения выпуска доброкачественной художественной литературы считает необходимым проведение следующих мероприятий:

1. Мобилизация бумажных ресурсов внутри издательств художественной литературы, пересмотр с участием писательской общественности и рабочих-ударников редакционных портфелей издательств, в целью изъятия намеченных к изданию недоброкачественных книг.

2. Пересмотр сетв и тиражей выходящих в ГИХЛ и других издательствах литературно-художественных журналов.

3. Пересмотр тиражной пятилетки издательств, уничтожение обезлички тиражей, обеспечивая высокие тиражи и переиздание для наиболее ценных книг.

4. Выделение в планах ОГИЗ массовой художественной литературы (с тем, чтобы обеспечить нормальный выпуск этой литературы бумагой наравне с литературой ведущих издательств).

5. Перераспределение бумаги между издательствами системы ОГИЗ с тем, чтобы обеспечить нормальный выпуск художественной литературы во втором полугодии 1931 г., а также обеспечить, в соответствии с ростом художественной литературы, рост плана ГИХЛ на 1932 год.

6. Обеспечение активного участия писательских организаций в составлении издательского плана ГИХЛ, изд-ва «Федерация» и др. на 1932 г. Всем организациям ФОСП выделить представителей для помощи этой работе издательств. Предварительно, до утверждения планов в правительственных инстанциях, обсудить их (планы) на исполбюро ФОСП.

7. Улучшение работы полиграфической базы ГИХЛ и своевременный выпуск художественной литературы, улучшение технического качества издаваемых книг. Поручить секретариату ФОСП, установив связь с рабочими бумажных фабрик и типографий, выпускающих художественную книгу, организовать на этих фабриках и в типографиях доклады и выступления писателей и совместное обсуждение с рабочими вопросов улучшения технического качества книг в выполнения бумпромышленностью промфинплана.

8. Постановка вопроса перед планирующими органами, комитетом по делам печати и «Союзбумагой» о повышении бумажных норм для художественной литературы, в соответствии с творческим ростом писательских кадров, призывом к литературу ударников и спросом на художественную литературу со стороны массового читателя.

На каждом заседании секретариата ФОСП необходимо заслушивать сообщения о выполнении настоящего постановления.

БЮРО ЯЧЕЙКИ ВКП(б) ФОСП ИЗВЕЩАЕТ ВСЕХ ЧЛЕНОВ ЯЧЕЙКИ

О ПРОВЕДЕНИИ ПЕРЕВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ

21 июля—в 17 ч.—ОТКРЫТОЕ ПАРТИЙНОЕ СОБРАНИЕ

1. Решение июньского пленума ЦК ВКП(б)
2. О перевыборах

ОБЕСПЕЧИМ СТОПРОЦЕНТНУЮ явку ВСЕХ ЧЛЕНОВ ПАРТИИ!

страна должна знать своих героев

краснознаменцы о писателях

Обычно критика, разбирая то или иное произведение, в частности очерки о героях пятилетки, проходит мимо одной немаловажной стороны дела — отношения писателя к фактам и правдивого отображения их. В деле художественного показа героев пятилетки это имеет решающее значение.

Этот пробел сама критика своими силами заполнить не может, так как нельзя пред'являть к каждому критику требование, чтобы он непосредственно был знаком с материалом, над которым работал писатель. Здесь на помощь профессиональной критике приходит критика общественная. Обсуждение произведения рабочими того предприятия, которое описывается в нем, является лучшей гарантией от многих ошибок авторов.

Эта форма работы уже получила широкое распространение. Постепенно появляются и другие аналогичные формы, в частности — та, которая сегодня применяется в печатаемом ниже материале.

Мы даем критику произведений писателей со стороны тех, кто в этих произведениях описан.

Думается, что это должно найти широкое применение и максимальное использование в борьбе за качество показа героев.

а. к. гладышев

помощник мастера листопрокатного цеха завода „серп и молот"

Тов. Шведов в основном правильно осветил мою биографию в своей книжке, которая написана простым, понятным для рабочего языком. Автору во многом помогло правдиво осветить ударничество на заводе и лучших ударников то, что он сам раньше работал на заводе и знаком с производством.

Несмотря на это, тов. Шведов допустил несколько ошибок, правда, небольших.

На странице 12 пролписатель Шведов пишет:

«...Начало затром гражданской войны Миленку. Был он кулеметчиком, попал к белым под селом Воскресенским, бежал, а в тысяча девятьсот двадцать втором году он снова пришел на завод Гужона».

— На самом деле я попал в плен к белым 28 ноября 1918 года под Новохоперском, а не под селом Воскресенским, как это указывает в книжке тов. Шведов. Бежал я от белых в 1920 году. А потом, после взятия красными Новочеркасска, я был мобилизован Новочеркасским профсоюзом в Губпродком, где и работал до продразверстки.

На странице 11 тов. Шведов пишет:

«...С помощью коммуниста Горячева Гладышев снял иконы и сжег их вместе с киотами в печи».

Здесь автор извратил факт. Иконы я, правда, снял, но не сжег, а отнес на склад. Что потом с ними сделали я не знаю.

Эти отдельные ошибки, допущенные пролписателем Я. Шведовым в его книжке, в общем не имеют большого значения. В этой книжке хорошо показан весь процесс производства на заводе «Серп и молот» и описана работа отдельных цехов. На фоне работы одной бригады автор наглядно показывает, как вообще развернуто ударничество на заводе.

Как это ни странно, но книжку Я. Шведова «Сквозь сердце», выпущенную издательством «Молодая Гвардия», я вижу впервые, и поэтому имел возможность только сейчас ее прочесть. Не знают еще о выпущенной тов. Шведовым книжке и рабочие нашего завода. Нет этой книжки и в библиотеке.

Основная ошибка тов. Шведова заключается в том, что он не счел нужным зачитать свою рукопись в заводе в нашем цехе. Мы могли бы дать автору ряд своих замечаний и поправок к этой рукописи, и тогда бы книжка тов. Шведова вышла из печати еще более отточенной и без ошибок.

По поручению издательства ВЦСПС, организовавшего на заводе читку книги рабочего-ударника тов. Михайлова «В боях за металл», надо организовать читку книги Я. Шведова «Сквозь сердце» в нашем листопрокатном цехе на общецеховом собрании рабочих, совместно с автором, рабочими-литературными кружками завода и редакцией печатной заводской газеты «Мартеновка».

т. монгер

зав. листопрокатным цехом завода „серп и молот"

Очерк Л. Славина, который я читал сейчас впервые, мне очень нравится. Все в нем описано верно, без преувеличений и искажений. Я не берусь судить о литературных достоинствах очерка, так как плохо знаю русский язык, но факты, приведенные в рассказе, вполне соответствуют действительности.

Они взяты из документов и биографических материалов, представленных мною в ЦИК СССР, в связи с премированием. Автор очерка беседовал один раз со мной и несколько раз был в цеху.

Проведение соцсоревнования описано у него правильно. Пожалуй мало сказано о трудностях, с которыми мне пришлось встретиться при проведении жесткой дисциплины в период, предшествовавший соцсоревнованию.

В целом, повторю, очерк мне очень нравится, и все, написанное в нем, совершенно правильно.

еще не включились в показ лучших

На последнем заседании секретариат ФОСП подвел первые итоги работы литорганизаций и издательства «Федерация» по художественному показу героев пятилетки.

ФОСП привлекла к этой работе 45 писателей, из которых 15 скоро отсеялись. 122 писателя поместили высококачественные очерки в центральной прессе. В то же время некоторые из писателей ограничились малосодержательными и поверхностными произведениями, неосободимыми от оттенка халтуры.

С другой стороны, не все органы печати сумели правильно организовать работу писателей:

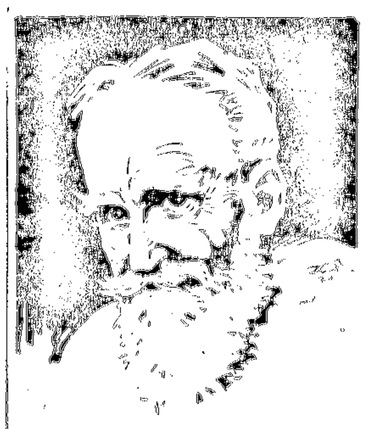
Секретариат ФОСП особо отметил полную инертность ВССП в деле показа героев.

С. Канатчиков сообщил о результатах проведенного издательством «Федерация» конкурса на лучшее произведение о героях пятилетки. Жюри конкурса не нашло возможным премировать ни одного из авторов 60 очерков, поступивших на конкурс; произведения эти стоят на недостаточном художественном уровне.

«Федерация» заключила договора на издание произведений о передовиках рабочего класса с 20 писателями, уехавшими на новостройки и в колхозы.

На следующем заседании секретариат ФОСП заслушает доклады всех литорганизаций, кроме «Федерации», редакции «Литгазеты» и журналов «Красная новь» и «ЛОКАФ» о ходе работы по художественному показу героев пятилетки.

завтра приезжает в москву Бернард Шоу



Завтра в Москву приезжает известный английский писатель Бернард Шоу. Вместе с ним приезжают: лорд и леди Астор (консерваторы — члены английского парламента), лорд Лотиан (либерал — член английского парламента) и мистер Тэнант (лектор).

Федерация об'единений советских писателей выделила тт. А. Фадеева, Ф. Гладкова, П. Когана и И. Минова (ОГИЗ) для встречи Б. ШОУ на границе. Товарищи выехали в Негорелое.

ФОСП предложит Шоу организовать его встречу с советскими писателями.

Б. Шоу пробудет в СССР 5 дней, посетит Ленинград и один из колхозов.

Бернард Шоу о пятилетке

Английский журнал «Джон Буль» поместил заявления семи выдающихся английских деятелей о советской пятилетке. Авторы, занявшие враждебную позицию к пятилетке, прибегают к обычным антисоветским аргументам об «угрозе мировой цивилизации» и т. п., но вынуждены признать, что пятилетний план свидетельствует о советской энергии и инициативе, являясь «величайшим планом, когда-либо предпринятым».

Бернард Шоу пишет:

«Исключение России из международной торговли было актом слепоты и существенно со стороны капиталистических держав. Бойкотируя Россию путем пенсионного террора против коммунизма, они ее предоставили собственным ресурсам и заставили спасать себя при помощи развития своих физических и культурных сил».

«Сейчас, — продолжает Бернард Шоу, — **пьяная, дрянная, грязная, суеверная, рабская, безнадежная Россия отвратительного царизма становится энергичной, трезвой, чистой, по современному интеллектуальной, незаписимой, цветущей и бескорыстной коммунистической страной».**

«Пятилетний план, — указывает далее Бернард Шоу, — **завершается успехом, ибо каждый мужчина, женщина и ребенок, занятые планом, знает, что результаты принесут им пользу, а не будут расточаться лентяями.** Они знают, что пятилетний план уже дал им короткую рабочую неделю и более высокую заработную плату, а также воспитательные и культурные возможности, о которых не мечтали их отцы, и полное социальное признание, как действительно органической части общества. Такой план невозможен в Англии или Америке, так как рабочие знают, что их усилия означали бы лишь более высокие прибыли для лентяев, сокращения продолжительности жизни и нетерпимые условия труда для самих рабочих».

В заключение Шоу указывает, что мировая война дала ужасный урок, свидетельствующий о бесплодии капитализма. Второй урок заключается в успехе пятилетнего плана и освобождении России коммунизмом. «Неужели мы совершенно неисправимы?» — заканчивает Шоу.

о русской революции

Бернард Шоу, присутствовавший на завтраке, устроенном Лондонским отделением союза журналистов 6 мая, выступил с речью, в которой, между прочим, сказал следующее:

«...Печать все еще не признала, что русская революция имела место.

Я сам был уже взрослым человеком в 1878 г., во время Большой французской выставки, когда лорд Сальсбери — министр иностранных дел Англии, который был хотя и дипломатом и аристократом, но исключительно умным человеком, отказался от участия Англии в этой выставке по той причине, что Франция — республика. Лорд Сальсбери был уверен, что Бурбоны или, по крайней мере, Бонапарты вернутся и что старый режим будет восстановлен. Он отстал от эпохи почти на 100 лет. Точно также потребовалось очень много времени для признания того, что американская республика существует прочно. Лорд Сальсбери, очевидно, никогда и не подозревал, что французская республика сохранится.

Так журналисты не поняли, что Советская Россия будет существовать, и в результате этого они проспали прекраснейший коммерческий шанс, такой шанс, какой никто из них не мог надеяться видеть в течение всей своей жизни: возможность участвовать в строительстве этой республики... Благодаря нашему отношению к России мы не только потеряли громадный коммерческий шанс, но мы также отказались от политической дружбы, которая могла быть очень ценной для нас. Наши политические союзы в будущем будут союзами не с Плантагенетами или с Бурбонами, с Валуа или Романовыми. Они будут союзами с современными республиками».

ЗА стопроцентный охват комсомолом рабочей и батрацкой молодежи

по всем литературным кружкам и пролетарским писателям города москвы и московской области

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Второй пленум ЦК ВЛКСМ поставил перед союзом задачу к 17 МЮД закончить стопроцентное вовлечение рабочей и батрацкой молодежи в комсомол. Эта боевая задача требует от всех комсомольских организаций широкого развертывания массовой работы, требует большевистских темпов.

Московская ассоциация пролетарских писателей, включающая в свои ряды не одну сотню молодых рабочих-ударников, не один десяток рабочих и комсомольских писателей и имеющая единую с комсомолом линию в вопросах художественной литературы, не может пройти мимо большой работы, проводимой комсомолом.

Художественная комсомольская песня, боевое стихотворение, очерк, рассказ, частушки, рифмованные позунги, эпиграммы, совместные выступления с художественными агитбригадами и другие формы работы — все должно быть направлено на помощь комсомолу.

Так же, как показ героев пятилетки является проверкой боеспособности нашей организации, — участие в вербовке рабочей и батрацкой молодежи в комсомол должно показать, насколько мы по-настоящему повернулись лицом к комсомолу.

Секретариат МАПП своим решением обязывает:

1. Всем райАПП, Райбюро и литкружкам на предприятиях немедленно установить связь с комсомольскими штабами своих районов и предприятий и включиться в повседневную работу по вербовке.

2. Всем творческим группировкам — выступить с произведениями в печати, подготовить сборники и своевременно их издать.

3. В заводской и районной печати — организовать выступления творческого актива пятикружковцев с произведениями, посвященными комсомолу и вербовке в комсомол.

4. Все РайАПП и райбюро ежедневно — представлять сводки в МАПП о ходе работ.

На основе соцсоревнования и широкого развертывания инициативы и самодеятельности всех звеньев маппповской организации по-боевому поможем проведению стопроцентного вовлечения рабочей молодежи в комсомол!

Вызываем на соревнование все АПП.

СЕКРЕТАРИАТ МАПП

за пять дней

день 1 августа

В этом году проводится **второй международный антивоенный день.** В обстановке угрозы войны, обостряющейся мировым кризисом капитализма, и ростом противоречий между ним и нашей страной, вступившей в период социализма, международное выступление пролетариата против войны является величайшим актом классовой борьбы и боевой солидарности трудящихся всего мира с Советским союзом.

В нашей стране этот день превращается в смотр нашей обороноспособности, в день укрепления связей гражданского населения с Красной армией и Красным флотом.

Перед писателем день 1 августа выдвигает двоякие задачи: во-первых — активное участие в общем проведении кампании и, во-вторых — активизация ЛОКАФ.

За год существования ЛОКАФ проделал действительно большую работу и занял прочное место в системе литературной общественности. Он не только об'единил в своих рядах основной костяк советского писательства, но только имеет четкую литературно-политическую линию, совпадающую с генеральными установками пролетарского литературного движения, но приступил и к **практическому** разрешению задачи включения художественной литературы в борьбу за обороноспособность СССР. Участие ряда писателей в прошлогодних и нынешних маневрах РККА, прикрепление писателей к воинским частям, творческая мобилизация, выход первых книжек локафовской серии и, наконец, развертывание массового локафовского движения — таковы несомненные заслуги ЛОКАФ.

Однако, это только первые шаги, притом требующие дальнейшего качественного закрепления.

Можно сказать, что основные предпосылки для создания литературы на оборонные темы созданы. Достигнут перелом в отношении писателей к делу обороны, вхождение в ЛОКАФ заставляет писателя серьезно продумать свои задачи в этой области. Однако, реальные, **творческие** результаты пока еще очень малы. И если мы пристальнее всмотримся в тематику тех произведений, которые писатели обещают дать по творческой мобилизации ЛОКАФ, то увидим, что в большинстве эти произведения относятся к периоду гражданской войны, к историческому прошлому. Значительно меньше таких, которые во всей полноте дали бы сегодняшний день нашей армии, ее участие в социалистическом строительстве. Наконец, почти нет попыток осмыслить будущую войну, подготовить к ней при посредстве художественного слова трудящиеся массы.

Мы отнюдь не считаем, что на материале прошлого нельзя построить актуального произведения, что темы гражданской войны исчерпаны и т. д. Наоборот, мы подчеркиваем всю важность создания истории гражданской войны, работы, предпринятой по инициативе М. Горького. Но в то время, как о гражданской войне мы уже имеем большую литературу, Красная армия «мирного периода» не показана совсем. **Основной** задачей сегодня является подготовка к будущим боям, в этой задаче должно быть отдано творчество писателя-локафовца.

Чем объясняется отставание творческих планов писателей от актуальных задач ЛОКАФ? Полагаем тем, что практическая работа ЛОКАФ и активность писателей-локафовцев оставляют желать лучшего. Если организационная связь ЛОКАФ с армией и ее руководством налажена, то для работы с писателями эта связь используется далеко недостаточно. Между тем, серьезное постоянное изучение военной техники и всего круга военных вопросов значительно будет содействовать продвижению в ряды писателей основной темы — темы будущей войны.

Очень немногие писатели могут похвалиться настоящей, личной связью с армией, с красноармейцами, это основной недостаток, мешающий созданию литературы о Красной армии. Разве не будучи повседневно связанным с армией, можно ставить важнейшие наши военные проблемы — борьбу за технику, кадры и т. д.?

Мы недостаточно еще боремся за оборону, мы плохо в этой борьбе используем свое оружие.

Поэтому, участвуя вместе с миллионными массами в проведении международного дня борьбы с войной, мы должны нести свои лозунги:

— Художественную литературу — на службу обороне!

— Писатели — в ряды ЛОКАФ!

лицом к комсомолу на деле

В номере от 10 июля, в передовой статье «Литературная газета» писала о необходимости поворота всех отрядов советской литературы, и пролетарского в первую очередь, — лицом к комсомолу. Мы признавали справедливость упрека в том, что РАПП и ВОАПП до сих пор уделяли недостаточное внимание созданию молодежной литературы, обслуживанию интересов рабочей молодежи, помощи комсомолу в его грандиозной работе.

Сегодня мы можем констатировать, что одна из основных организаций пролетарского литературного движения — МАПП—предпринимает реальные шаги для ликвидации этого важнейшего недочета, на деле поворачивается лицом к комсомолу. МАПП, в специальном обращении ко всем членам ассоциации, выдвинула, как важнейшую задачу, участие всех пятикружков в кампании по стопроцентному охвату комсомолом рабочей молодежи. Наряду с показом героев это признано основной работой каждого литкружка, каждого члена ассоциации.

Маппповская печать («Рост», газета «Ударник литературы», районные литстраницы) должна отразить вопросы роста комсомола, предполагается выпустить специальный сборник, мобилизована творческая группа МАПП «Напостовская смена», созывается совещание поэтов и прозаиков и т. д. Одновременно всем районам дано задание принять самое активное участие в проведении международного юношеского дня.

Этот почин МАПП должен быть немедленно распространен на все ассоциации пролетарских писателей. Вызов Москвы на соревнование, на участие в росте комсомола должен быть подхвачен всеми АПП. Такое соревнование поможет создать реальный сдвиг в связи пролетарского движения с комсомолом, и нежелание в нем участвовать, нежелание помочь комсомолу в важнейшей политической кампании роста должно рассматриваться как недооценка значения комсомола вообще и для литературы в частности, как уход от политической и партийной задачи.

Совершенно понятно, что быстрые темпы являются основным условием успеха этой работы. Ясно, далее, что комсомол меньше всего нуждается в выражениях сочувствия и громких декларациях. Нужна **быстрая,** активная помощь в кампании роста, нужно боевое, **высококачественное** обслуживание этой кампании. Бригады в помощь комсомольским ячейкам, стенная и печатная газеты, литературные вечера, радио — вот примерное поле деятельности для литкружков. При наличии инициативы оно, конечно, может быть значительно расширено.

Мы уверены, что такая инициатива будет проявлена, ибо самообязательства МАПП, ее вызов всем ассоциациям, на который обязаны откликнуться все, — являются экзаменом на умение работать, который ассоциации держат перед лицом многомиллионного комсомола.

трибуна творческой дискуссии ВССП

от нашего корреспондента

ДИСКУССИЯ в ленинграде

прения по докладу зел. штейнмана

Начало прений по докладу Зел. Штейнмана «Формула перехода» — выступления П. Медведева и Ив. Оксенова — пошло направить дискуссию в сторону абстрактности и академического формализма... На рельсы конкретных и принципиальных творческих споров «перевели стрелку» дискуссии выступления М. Чумандрина, А. Старчакова, В. Каверина, М. Слонимского, В. Тихонова и др.

«Опорными пунктами» начальных споров явились «Фома Клешнев» М. Слонимского и «Прозаг» — новая книга В. Каверина.

— **Критика не борется, критика не организует!** — это положение М. Чумандрин иллюстрирует примером с «Фомой Клешневым». Критики из бригады ЛИЛОКА, выступившие со статьей о романе Слонимского в «Ленинградской правде», лишь одно высказывание, какое-нибудь... и констатировали: «отставание налицо». Писатель не был учтен в его развитии. Между тем, творческий путь Слонимского — от «5-го стрелкового» к «Лавровым», от «Лаврових» к «Среднему проспекту», а затем к «Фоме Клешневу» — это путь со ступени на ступень. Слонимский, возможно, еще будет ошибаться, в его творчестве еще много недоговоренности, но тенденция приближения к пролетариату — налицо.

Элементам порубежности, намечающимся в романе Слонимского, М. Чумандрин противопоставляет поучительный объективизм в «Прологе» В. Каверина.

«Прологу» В. Каверина, главным образом, посвящает свою речь **А. Старчаков.** — Не весть, — говорит он, — для перехода в середняки достаточна работа над современной тематикой.

Каверин стал в союз безразличным и бесстрастным. Его книга — объективное произведение, изящно разрабатывающее удачные зарисовки. Но лаборатория — не конечный продукт. Каверин, — говорит Старчаков, — не сумел сделать экскурс в это недалекое прошлое и разобрать основные черты советской литературы начала 20-х годов: стихийность, эпигонство и, наконец, **попытки новаторства**, но новаторства чисто внешнего.

— Что мы имеем на сегодняшний день? В частности прозе, — заявляет М. Слонимский, — произошло разоблачение «пышных одежд», роль мысли поднялась в литературе». Ясно, что в таких условиях должно было произойти с эпигонами. Они оказались совершенно голыми. Поэтому стоит сейчас вопрос о новаторстве. «Новаторство — это, прежде всего, новизна мировоззрения». Если отлично разработанная вещь покоится на старых мировоззренческих основах, а рядом находится вещь формально более слабая, но основанная на новом восприятии мира, — предпочтение надо отдать второй вещи: так всегда двигалась вперед литература.

— На этом новаторском пути стоит опасность штампа, — продолжает М. Слонимский. Отношение к штампу у всех нас — отрицательное. Но отказываться от работы над материалом только потому, что он «заштампован» — нельзя.

Мы все время стыдимся общепринятого слово «перестройка». Для писателя это значит — перестройка **отношения и действительности**, и в зависимости от этого, перестройка изобразительных средств, перестройка «формы».

Сейчас создается новое понятие о жанре, новое осмысление понятия романа, рассказа и т. д.

Н. Тихонов начал с рассказа о аверинце, открытом Горьким на проспекте 25 Октября. В аверинце находится крокодил, — «немножко мелькнули, немножко мудрец», крокодила подстерегает пять... примусов... И крокодил доплыл своей судьбой... Этот примусный пафос в пять крокодильих сил — считает Н. Тихонов — встречается и в советской литературе. Советскому писателю необходим не такой комнатный пафос, однако, подлинный пафос отсутствует. И именно потому мы так часто сейчас упоминаем «Гидроцентраль», что он написан «со страстностью». М. Шагинян проживала несколько лет на строительстве, описанном ею, она воспитывала свой пафос.

— Мы долго, — говорит Н. Тихонов, — сидели лицом к столу заседаний и спиной к литературе. А когда оглянулись, увидели то, о чем и не подозревали раньше.

Каждый писатель пришел к сегодняшнему дню с большой и часто порочной наследственностью. Ошибка «Пролога» в том, что В. Каверин ранее работал на условном материале. А когда он с условного материала перешел на безусловный материал, он совершил «наследственную» ошибку. Он и на этот материал перенес приемы условного повествования. Он оказался наблюдателем-литератором, мастером, заинтересованным лишь в литературном мастерстве. «Наследственную» ошибку можно найти и у Слонимского. Его «Фома Клешнев» очень интересен, но в нем нет «итого». Противоядиев Н. Никитина в нем «Линия огня» — в том же наследии орнаментализма. У Бехерова «грубая наклеенность» — прочная традиция «великих русских писателей». Говоря о своем творчестве, Н. Тихонов заканчивает:

— Для меня ясно, что я не могу теперь написать на одного произведения без политики. **Без политики произведения не может быть.**

*

После выступления **В. Эрлиха** взял слово **Г. Куклин.** Вместо ожидаемой критики своих ошибок он начал с обвинений критики. В дальнейших его высказываниях содержалось явно ошибочное начало в том, что как «чин писателя» более чем были нам... сомнительны, у которых было «единое мировоззрение». По поводу «Сочинения бригады» перелицовки замечает, что декларативная фраза о том, что «штампам не есть место писателя» — просто неудачное выражение.

— Нас правильно обвиняли, что в очерках не показана классовая борьба. Но это — ошибка не только нашей книги. (?!).

*

Продолжение прений, намеченных на 18 июля, следует.

Б. РЕСТ

Ленинград, 8—13 июля 1931 г.

перед новыми задачами

1

Не приходится отрицать, что первый расширенный пленум правления ВССП, созванный в мае этого года, сыграл очень значительную роль в перестройке Союза. С целью обеспечить наименьшую дальнейшей реорганизации ВССП, был принят ряд ответственных решений организационного и практического характера. Достаточно четко была поставлена основная проблема — проблема политической и творческой дифференциации внутри Союза, проблема превращения лучшей и активнейшей части членов организации из «попутчиков» революции в литературных союзников пролетариата. В основной резолюции, принятой пленумом единогласно, отмечалось и то, что процессы перестройки ВССП протекают «еще очень медленно и без достаточного руководства со стороны правления Союза» (п. 2). Кроме того, был разработан план работ осенней конференции ВССП. Прошедшие четыре дня пленум сделал, как будто все, что ему следовало сделать.

Но в момента созыва майского пленума прошло уже два месяца. Пора отказаться на пройденный путь, осмотреться и определить, в каких формах производится дальнейшая перестройка ВССП, как проводятся в жизнь решения пленума и какими темпами идет подготовка к осенней конференции.

2

С перестройкой своих рядов Союз, созванный Союзом советских писателей лишь за последнем году пролетарской революции, заявил, по самому скромному счету, лет на восемь. Дальнейшие вопросы о реорганизации Союза, о необходимости политического и творческого перевооружения писателей не поднимались вовсе. В период обострения классовой борьбы, активизация кулацких и непобуржуазных сил, среди многих попутчиков, совершенно неправильно и ложно оценивших, подчинили самые дерзкомыслящие представления о художественной литературе, как о «чистом» и независимом искусстве, о «нейтральном» отношении к советской действительности. Искусство, литература все чаще и чаще стали противопоставляться общественной жизни, на знамени выдвигались и всякого пропагандировались теории буржуазной эстетики. Все увереннее и развязнее раздавались голоса о специфике художественного слова, об особых законах литературы, присущих только ей. Некоторые «попутчики» открыто заявляли: «Нельзя требовать от художника, чтобы он был общественным наблюдателем», «творение художника» гражданином может быть, а **может и не быть**», и т. д.

Тогдашний «вождь» попутчиков Бор. Пильняк, проповедывавший разнообразные идеи «нейтральности» и полнейшей независимости, договорился однажды (в 1923 г.) до утверждения, что общественная деятельность писателя есть, «до частное дело, и **литературе не имеющее отношения**». Мало того, он осуществлял советскую власть своеобразным призывом: «Пусть мы коммунисты с Россией, поскольку я и я помни». Изложение своей политической «платформы» Пильняк закончил тогда таким заявлением о том, что он не ждет своей творческой работой участвовать в советском строительстве: «Знаю, что я должен быть абсолютно объективен, **не пить ни на чью мельницу**» [1]).

Оставаливаться сейчас так долго на Пильняке не стоило бы вовсе, если бы его эмпирическое настроение не были характерны для довольно значительной части писателей, воображавших, что они являются «попутчиками» революции и предъявляющих на роль сказителей советской литературы. В наши дни эстетику непредвзятости

[1] Сб. «Писатели об искусстве и о себе». «Круг». М. 1924 г., стр. 83—84. Разрядка мои. **В. Г.**

и его дело» — декларации творческого метода тех из попутчиков, которые, имея все субъективные и объективные данные для перестройки, способны думать, что достаточно одного искреннего и хорошего желания перестроиться — и все будет в порядке. Печальный урок этой книжки должен заставить многих и многих попутчиков по-настоящему начать работать по овладению методом марксизма-ленинизма в их творчестве, а наша задача — всемерно помочь им в этой работе.

Н. СЛЕПНЕВ

литературному работнику должно быть ясно, куда вели писателей, числящихся советскими, иные стремления, с которыми с величайшей охотой солидаризировался любой буржуазный идеолог.

3

Где же была в это ответственнейшее время литературные критики, редакторствующие «толстые» журналы и альманахи, создающие различные писательские группировки и фактически, на практике руководящие литературой?

Увы, никто из этих критиков — «марксистов» ни слова не произнес о том, что вместе с обострившейся классовой борьбой во всей стране необходимо и литература вступает в период ожесточенных классовых боев. Никто из них не предупредил писателей о тех затруднениях и опасностях, которые встали на пути развития пролетарской литературы. Никто из них не сказал со всей прямотой, что в стране строящегося социализма писателю невозможно оставаться нейтральным, что необходим решительный классовый выбор между пролетарской и непролетарской идеологией. Никто из них не указал в дальнейшем на то, что вместе с индустриализацией страны, коллективизацией сельского хозяйства и ликвидацией кулачества совершенно неизбежно и логически-закономерно идет ликвидация «попутчиков». Никто из них не указал возможности на то, что политически необходимы занятия перестройкой и творческим перевооружением, соответствующим реконструктивному периоду.

Между тем своеобразные и нейтрально, «объективно» (если так можно выразиться) стоящие на месте на данном этапе развития великой жизни страны были уже равносильны **отходу от позиций пролетариата** и смыкались с непобуржуазными силами.

4

В большинстве случаев критики, задающие тон в наших толстых журналах, рассматривали творчество советских писателей таким, **каким оно было**, а не таким, каким **оно должно было быть** в данный исторический момент. Проблемы перевооружения писателя, изменения его мировоззрения, политического и творческого перевооружения не ставились по существу, а если и ставились изредка, то крайне вяло и нерешительно. Из числа «попутчиков» рассматривался преимущественно как первый самый ценящий ценность музейного порядка. Достаточность этих критиков, таким образом сводилась к своеобразной «охране памятников искусства и старины».

В «лучшем» случае кривая ограничивается констатированием идеологических ошибок писателя, не делая никаких конкретных указаний — **куда же надо тянуться** этим писателям и **как** ему приобщаться к социалистическому строительству, творимому во всей стране.

Мало того: грубейшие и вовсе нечаянные политические ошибки многих «попутчиков» замалчивались, оценивались как несущественные. Например, «Наш Казбек советской литературы» А. К. Воронский неоднократно брал под свою защиту того же Пильняка, лишив его тем самым правильной политической ориентировки. Воронский спустя несколько говорил в 1928 году о том, что Пильняк оказался «более чутким к нашей современности, чем многие наши критики, получившие соответствующие ранги и награждения». Вопреки всем объективным данным у Воронского как-то получилось, что Пильняк «жив и внимательно прислушивается к окружающему», что «он не стоит и не топчется на месте, исправляет и голосистью... его ошибки».

О своем лозунге «Перевала» Воронский в свое время писал, как о многообещающей группе чуть ли не пролетарских писателей, своеобразно всегда случае «левее» попутчиков. На самом же деле сначала мы были свидетелями ухода из «Перевала» его левого крыла, а позднее можно убедиться в идеологическом банкротстве и фактическом распаде «содружества».

5

К сожалению, подобного рода выжидательные не почерпнулся этот объективный вред, который принесли советской литературе руководители «толстых» журналов и в первую очередь «Красной нови». Они не только не повели решительную борьбу с враждебными течениями в литературе, с идеями о «нейтральном» искусстве и его особом назначении, но даже поощряли **сами** подвести теоретические «марксистские» обоснования для высказывания «попутчиков», фактически уходящих направо. Тот же Воронский стал утверждать искусство, как особый род познания жизни, не подчиняющийся настоящему изучению и регулированию. В. Чолонский пишет о том, что разжигать классовую борьбу в литературе уже не следует и выдвигает на первый план «мирную» организаторскую работу». Борьбу с буржуазной литературой он мыслит себе именно в виде «мирного сотрудничества». А. Горбов пошел гораздо дальше своего учителя Воронского и не только попутчиков, но даже и пролетарских писателей звал на поиски «сокровенной боязни» Галтен. Горбов неоднократно пытается теоретически обосновать и оправдать обособление творческого действия писателя от реальной социальной практики. В установлении связи между искусством и эпохой он не усматривает никакой необходимости: «Как особый вид бытия общественной действительности, искусство не нуждается в определении связей с ней» [2]).

Здесь мы имеем откровенную попытку дезориентировать тех писателей-спутников, которые в безусловно отзывались в общественной жизни. Вместо указания на необходимость полного разделения среды попутчиков тот же Горбов, как известно, проповедывал своеобразный классовый мир и конец об едином потоке русской литературы».

Такого рода высказывания, проповедуемые от лица марксистской критики способствовали дальнейшему формированию мелкобуржуазной идеологии в «попутнической» среде и окончательно гнали колебающихся по путей правильной литературно-политической ориентации.

Мы знаем, что в силу недостаточности или своего политического развития, многие писатели, убаюканные этими колыбельными песнями, пребывали в блаженном до поры неведении относительно всех тех политико-литературных проблем, которые было необходимо немедленно разрешить. Немногие заострение выступления пролетарской критики долгое время совершенно не принимались во внимание. А между тем только равнодушие хозяина уже тогда на буржуазную отсрочить в литературе, на отставание художественной литературы от эпохи, на необходимость перестраиваться всем подлинно-попутническим лагерем.

Очень многими квалифицированными писателями РАПП обвиняется не как идеологический организатор массового литературного движения, а как новый «рушитель» методов людей, имеющих весьма отдаленное отношение к литературе, не причастных на какого «гегемонию» в ней.

Окончание следует

ВИКТОР ГОЛЬЦЕВ

[3] Марксизм и критика «ГИЗ» 1927, стр. 131.

[4] Поиски Галатеи. «Федерация», М. 1929, стр. 17—19.

за ударную подготовку конференции

Резолюция пленума ВССП в ряд постановлений органов руководства московского отделения союза призвали работу на подготовке осенней конференции ВССП ударной. Между тем на в среде рабочих — органов местных, ни в массах Союза постановления эти до сих пор не встретили должного широкого резонанса, лучшего закрепления себя отдельными членами организации на ударными участками работы, лучшего ударничества. Наступление осеннего сезона выявило, наоборот, волну разгильдяя, несвязанных с общественными задачами.

Мы, члены правления ВССП, его секретариата и актив секции, обязываем себя ударниками общественной работы ВССП и уверяем, что к нашим подписям присоединятся все члены союза, понимающие особое значение осенней конференции в деле творческой перестройки союза, и предлагаем товарищам по ВССП окончаниям отклоном поддержать наше начинание.

ОГНЕВ, СВЕН, СЛЕТОВ, ЭФРОС, ЗАМОШКИН, СЕЙФУЛЛИНА

писатель и его метод

о книге мих. козакова «человек и его дело»

Мих. Козаков выпустил в Ленинграде, в ЛенГИХЛ, новую книжку — «Человек и его дело». Название книжки выбрано не случайно. Автор объединил под этим заголовком очерки о социалистическом строительстве, написанные в результате прошлогодней поездки на «Сельмашстрой» и «Артемстрой», а также свои замечания из дневника и мысли о том, **каким методом** должен работать современный писатель.

По свидетельству самого автора, книга эта — прежде всего «дневник, сумма разрозненных записей, сумма конспектов». «Писатель задался целью показать молодому автору и читателю специфическую технику литературного дела», не учуская, однако, из вида **«идейную направленность»**.

Стоит отметить, вся книга приобретает характер наглядного документа о творческом методе попутчиков. Посмотрим, как эта задача разрешена автором: его «технология творчества» сводится к некоторым парадоксальным утверждениям и к несколько неудачным примерам выбора материала, к ошибкам технического порядка при описании предприятия и т. д. и т. д. «Я работаю на Сельмашстрое и все время думаю о той самой «точности», которая окружает меня со всех сторон».

Козаков приводит несколько примеров такой точности (например, упоминание Лочкиным в романе «Сеть» «кованого чугуна», тогда как Козакову известно, что бывает ковкий чугун, но не кованый). Но требование к писателю дать точное, отвечающее действительным техническим процессам описание — не есть еще «технология».

В специальной главе «Писатель Плюшкин» Козаков развивает и обосновывает подробно первую фазу писательской работы, по его схеме: заготовка, отбор, процесс обработки материала — процесс заготовки материала. «Каждый писатель, — говорит Козаков — в известные моменты уподобляется классическому скупцу и становится Плюшкиным. **Плюшкинство в творческом процессе — первичное инстинктивное свойство писателя.** Плюшкинство — момент, предшествующий процессу отбора» (курсив наш).

Таким образом вся «технология» творчества, которую хочет дать Козаков, не выходит из рамок подсобственных, имеющих чисто индивидуальный характер, примеров и рецептов и часто сводится, как это видно из приведенных нами выше цитаты, к **бессознательному, иррациональному, инстинктивному** в творчестве писателя. Книгу составляют «собственно «технологии» (главы «Писатель-Плюшкин», «Турнир идей», «Жест постукивой», «Отдельные листки»), и главы, имеющие самостоятельное значение очерков о Сельмашстрое и Артемстрое («Человек и его дело», «Портрет строителя»).

«Человек и его дело» — это в то же время описание нашего социалистического строительства главным образом в разрезе показа конкретных «вожаков» и руководителей этого строительства. Таков у Козакова некто Георгий Васильевич.

Когда писатель, за одно и тому же попутчик, едет на какой-нибудь наш крупный, вновь строящийся завод или электростанцию с целью передать опыт борьбы в строительстве социализма, с целью показать интуициям, волю и решительность в победе рабочего класса, мы приветствуем такого писателя, мы приветствуем, мы обязаны и должны оказать писателям-попутчикам, что одного этого желания мало, нужна еще работа над материалом, работа над собой, нужна перестройка своего мировоззрения, нужно овладение методом диалектического материализма. Без этого нет полной то материализма.

Коренной порок творческого метода Козакова, если судить по этой книге, заключается в том, что его Георгий Васильевич становится **единственным** вдохновителем, руководителем и организатором социалистического строительства. Вся борьба классов, его инициативы, его революционность, руководство партии и его организующая роль — все это сведено к воле и решимости одного человека — Георгия Васильевича.

Вот как рисует Козаков борьбу за постройку Артемстроя, борьбу с расходными, недоверчивым и враждебным отношением к самой идее стройки: «Погодите, товарищи, «птицы города», не улыбайтесь иронически, не называйте декадентом проектором. Погодите, он вам докажет свою правоту. Свою потому, что **данная идея** проекта, о котором речь впереди, принадлежит ему, потому что **творческий поток всего этого дела**, технически оформленный затем сотрудниками-специалистами, порожден его мыслью, его волею упрямого и уверенного завоевателя жизни» (курсив автора).

Эта замена класса, борющегося коллектива — одним человеком, растворение целого коллектива в одной личности, доведение Козаковым до крайней степени **идеализации**, ничего общего не имеет с призывом партии отобразить в художественной литературе героев пятилетки, героев большевистских темпов и социалистической стройки. Правильно понять этот призыв — это значит дать конкретного героя, но дать как **частицу класса**.

Козаков растоплет кучу всяких затрепанных и истасканных образов по адресу того же Георгия Васильевича. «Его мировоззрение и мировосприятие обладают неподдельной, обезоруживающей ясностью и категоричностью».

Глаза у этого Георгия Васильевича тоже особенные, «почти сонные» — они умеют скрывать свой истинный цвет, и оттого в них серое не отличить от голубого, коричневое от желтого» (?!).

Таковы же и ближайшие помещики и друзья Георгия Васильевича. Кузьма Арсеньевич, ближайший помещик и заместитель в тресте, «твердый, непреклонный, суровый комендант от электричества» и целый ряд других, с которыми приходилось сталкиваться Козакову.

Такой подход, при котором «Артемстрой», как таковой, сам по себе пропадает, не случаен для Козакова, он органически вытекает из всего творческого метода писателя, который всю богатую диалектическую гамму опосредствований, связей и явлений предмета, всю многосторонность и сложность живой обитающей действительности, подлежащей раскрытию, заменяет плохим изобретением этой действительности, уверяя нас в том, что писатель должен видеть предмет и явления **не такими**, какими они на деле даются в движении и в тенденции дальнейшего развития, а такими, какими захочет их показать писатель. «Спокойность преображать и деформировать наблюдение — основное и признанное свойство писателя. Для него важный предмет имеет столько граней, сколько он их увидит» (стр. 46). И еще раз: «Но каждый писатель имеет свой спектроскоп и каждый предмет — столько граней, сколько заметит и увидит их писатель».

Вспомним, что Козаков подбор материала определяет так же, как «инстинктивный» процесс, а нам станет ясно, что **идеалистический**, ненужный подход к действительности, полная беспомощность писателя понять диалектику явлений и жизни — вот основная причина неудач писателя Козакова в изображении им советской действительности. Сельмашстрой, например, у него — это одна сплошная победа, это энтузиазм, это подъем масс, а все трудности, все противоречия в строительстве (их огромная масса) для писателя прошли незамеченными. Ясно, что художественного раскрытия Сельмашстроя мы не получим, ибо объективная картина должна была включать в себе не только показ того, как механизировали труд на Сельмашстрое, как просторно и чисто в его цехах и отделениях, но и как, с каким трудом на строительстве приходит процесс освоения затрепанных механизмов, как и отчего происходит простой конвейера, нехватка нужных частей и т. д., и т. п.

Все, что мы рассказали о книжке Козакова, характерно в той или иной мере для большинства перестраивающихся попутчиков. В этом отношении «Человек и его дело» — декларация творческого метода тех из попутчиков, которые, имея все субъективные и объективные данные для перестройки, способны думать, что достаточно одного искреннего и хорошего желания перестроиться — и все будет в порядке. Печальный урок этой книжки должен заставить многих и многих попутчиков по-настоящему начать работать по овладению методом марксизма-ленинизма в их творчестве, а наша задача — всемерно помочь им в этой работе.

Н. СЛЕПНЕВ

С. ДИНАМОВ

Бернард Шоу

Бернард Шоу — один из старейших английских писателей (род. в 1856 г.), стоящий уже, по его собственному выражению, классом. Он вошел в литературу как «красный из красных» (слова Бенедикта, его атеистический памфлет вызвал бурю негодования.

За 1880—1883 гг. появились первые значительные романы Шоу — «Неразумная раса», «Любовь артиста», «Профессор Кенель Бапрона», «Специальный социалист» («Социалист любитель»). Наибольший интерес представляет последний роман. В центре его — буржуа Трофуэлс — «враг и освободитель». Социализм для него — своеобразная забава, причуда, средство от скуки. Признавая, что вся современная государственная система является сплошной тюрьмой, он, однако, и не помышляет выступать на борьбу с ней. Он — социалист-любитель. Шоу кладет на его портреты сходство, но Трофуэлс — символ самого писателя, «но Шоу никогда и нигде не переступал тех границ, за которыми остается Трофуэлс. Шоу никогда и нигде не дал образа настоящего революционера (его «Справочник революционера» следовало бы назвать по существу «Справочником эволюционера»).

Не правда в беллетристике особой оригинальности. Шоу в области драматургии занял первое место. Театр стал рупором пропаганды идей Шоу. Уже с первых пьес он начал свою социальную проповедь, обрушился на общепринятые положения, на буржуазную мораль, на духовную тусость.

«Человек и сверхчеловек» (1903 г.) — лучшее произведение Шоу. «Сверхчеловек» — Джон Тенер, социалист. Но он и не сверхчеловек, и не социалист. Тенер — противник существующего строя, но не борется с ним. Он против религии, морали, нравственности, традиций, но выражает свое противодействие им лишь тем, что старается всячески избежать женитьбы. Никакой «сверхчеловечности» не видно, а есть лишь обычный человек, сам себя таким «сверхчеловеком» провозглашающий. От имени этого ординарного «сверхчеловека» написан памфлет «Справочник революционера». Высказывания Тенера точно репрезентируются с выступлениями самого писателя, как публициста, так что с полным основанием можно провести знак равенства между Тенером и Шоу.

Шоу в этом памфлете резко обрушивается против собственности, а тем самым выступает против самых «священных основ» буржуазного общества. Шоу выступает и против буржуазной демократии: «В Америке нет звездной палаты, нет феодальных баронов. Но у нас имеются трусы, имеются миллионеры, конторы которых ограждены электрическими проволоками и защищены пинкертоновскими наемниками с заряженными ружьями... Вам бы Вашингтон или Франклин могли предвидеть современную действительность, то звездная бы они даже пальцем ради американской независимости». (Америка взята, как одна из примеров). Шоу беспощадно обрушивается на буржуазное лицемерие и ханжество: «Общественная ложь принимает непосредственно гигантские размеры, так что в этом отношении карманный вор, арестованный полицией, не больше лжет, чем министр, восседающий на министерской скамье, издатель в конторе газеты не уступает во лжи магнату города, публикующему о нескольких пинках для велосипедов. Лицемерие достигает крайних пределов, и мы не только, как лжецы, но и искренно во имя тех чудодейственных рецептов, в которые мы верим, преследуем грубо и лицемерно, ссылаясь на евангелие, над которым наши правители тайно» издевались. «Подлость есть общепринятое выражение: патриотизм, общественное мнение, родительские обязанности, дисциплина, религия, нравственность, — все это лишь красивые слова для замаскирования: и жестокость, и жадность, и легковерие постоянно поддерживают подлость».

Не правда ли, какая резкость тона, какой убийственный сарказм? Да. Но обратимся к первой строчке памфлета. Там читаем: «Справочник революционера». Составлено Джоном Теннером, членом Клуба Тунеядцев Богачей». Эта строчка многое объясняет. Критика буржуазного общества ведется изнутри. Теннер никогда не переступает определенных граней. Он свободен, как ветер, только в пределах капитализма, он смел в решениях лишь в пределах столь любимой Шоу эволюции. Эволюция человека в сверхчеловека, биологическое улучшение расы — вот, что предлагает Теннер-Шоу.

Нельзя здесь не вспомнить некоторых мест из книги Шоу «Справочник о социализме и капитализме для интеллигентной женщины». (1928 г.). Он пишет там, перекликаясь со своим Теннером через четверть века: «Я сам помещик и капиталист, достаточно богатый для того, чтобы быть обложенным крупным налогом, вкладчик и владелец еще особым видом собственности, так называемой литературной собственности, за пользование которой я беру с людей плату, совершенно такую же, как помещик взимает арендную плату за пользование землей». И еще: «Таким образом, доказывая вам необходимость национализации банков, я очень не побаиваю, что вы можете оказаться держательницей акций и естественно, должны интересоваться судьбою ваших денег при национализации. Я имел случай весьма близко сталкиваться с этим вопросом, так как мой дед, как раз является акционером банка. Нам пришлось бы основательно урезать наши домашние расходы, если бы акционеры ее банка вздумали перейти в национальный или городской банк, а потому мы будем настаивать, чтобы правительство купило ее акции при национализации банков».

«Сверхчеловеческое» Теннера и Шоу оказывается благопристойной евгеникой, абсолютно безвредной для капитализма: огромное предисловие Шоу к его пьесе «Назад к Мафусаилу» (1923 г.) почти целиком посвящено доказательству того, что долговечность — вот спасительное средство от всех социальных противоречий. И вместе с тем Шоу, в этой пьесе, занявшей своей постановкой целых два вечера, с едкостью сатирика обрушивается на парламент, на вождь, на узколобых буржуа и меньше, на лицемерную религию. В лице Бонрка он вывел Ллойд Джорджа, а в Львове — Асквита и показал их внутреннее ничтожество и полное неумение стоять во главе страны. Их пребывание у власти кончилось «миром, голодом, огнем, мечом и межсоюзной бранью... Тысячи детей, умерших от голода после заключения мира, заставили всех желать, чтобы снова началась война». Вывод видно очевидец — «государственные деятели Европы оказались неспособными управлять ею». А перенеся действие в будущее, Шоу проецирует в него современные общественно-политические отношения, дает волю прениям. Парламент, герои, церковь, искусство, науку — ставит он под стекло. Но вывод приговор существующему, он мыслит его замену путем эволюции: надо удлинить жизнь, и все изменится само собой. Он, как и его герой Клан, может сказать: «Я не знаю чего я хочу».

Заслуживает внимания тот факт, что самой смелой по социальной критике вещью Шоу является маленькая пьеска «Газетные вырезки» (1909 г.). Прожект Шоу предпочел с полной откровенностью высказаться в шутке, какой является эта пьеска, и под защитой юмора высмеяла парламентскую болтовню, продажность печати, милитаризм и привела, что классовая борьба определяет ход истории. Как и следовало ожидать, пьеска прошла незамеченной.

Современная английская критика насчитывает в творчестве Шоу три периода. В первый — его не замечали, второй — ругали, в третий — стали хвалить. Эта оценка убийственна для Шоу и говорит об его определенной эволюции. «Красивейший из красных» стал тем, к кому депутации спасенных обращаются за советами в религиозных вопросах, «как к величайшему учителю души»; простный атеист «видал религиозное в своей основе учение в Главном Жизненной Силе и Индивидуальной Руководящей Силе», называя себя большевиком. Шоу сосуществует партии консерваторов, является членом и вождем буржуазного фабианского общества и не менее буржуазной, социал-фашистской лейбор партии, он называющий себя революционером, проповедует эволюцию. Бернард Шоу вполне радикальнее, но все же до конца мелкобуржуазной интеллигенции. Он отказался перестройку общества всеразрушающей Жизненной Силе. Философский фатализм Шоу — это выходный для буржуазного общества фатализм непротивленчества. Шоу похож на барабанщика, одетого в огромный барабан. Это прекрасно занимает, но никого не пугает, ибо никто не маршируют и не сражается под его барабанную дробь.

*

Теперь Шоу приезжает к нам. «Я не хочу умереть, не увидев СССР», — заявил он. Узнает ли Шоу то, что он должен увидеть: нет для человечества иного пути, нельзя, двигаясь медленным шагом, ребенком заползом, выползти мир из той пропасть, в которую сбросил его капитализм с тридцатилетними истребительными войнами, с угнетением огромного большинства, ничтожным хищным меньшинством, с ростом в среднем кошмаром в области культуры, преследованием мыслящей нефальсифицированной науки, гениальных писателей, лучших умов человечества (Ромен-Роллан, М. Горький)? Поймет ли Шоу, что путь коммунизма, путь социальной революции и пролетарской диктатуры, есть **единственный** к спасению человечества?

Шоу с огромным вниманием относится к нашей борьбе и стройке. От нас раз подчеркивал свое сочувствие СССР и пытался понять роль и политику коммунистической партии. Он встретил 1921 год статьей «Ужасы Советской России», в которой, в противоречие с клеветническим измышлениям буржуазной прессы, выступил с трезвой оценкой положения. Он писал: «Русский сотлет сделал одну, чрезвычайно удивительную вещь. Долго он сражался, испытывая ужасные страдания, а потом ему вдруг пришло в голову одна остроумная мысль, он взял и пожалуйста перестал сражаться, вернулся домой и — захватил себе земли страны. Это — в такое время грабительских классов других стран — была вещь ужасная, ужасная жестокость. Может быть, это и есть же-стокость очень практическая и хорошая. Когда затем русские приступили к организационной работе, они стали организовывать промышленность в интересах народа, уничтожая бездельников, а также буржуазную демократию, стоящую им поперек дороги».

Б. Шоу дает восторженную оценку Ленина:

«В данный момент есть один только интересный в самом деле государственный деятель Европы — имя его — Ленин. По мнению Ленина, социализм не вводится большинством народа путем голосования, наоборот, осуществляется оверхним меньшинством, имеющим убеждения. Нет никакого смысла ждать, пока большинство народа, очень мало понимающее в политике и не имеющее ее, не проведет вопроса, тем более, что вся пресса дурачит его, подсуная ему в уши всякие нелепости.

Мы, социалисты, завоевав себе немного удобств и комфорта, готовы ждать, но люди, желающие в самом деле что-нибудь сделать, как Ленин, не могут... Он заявил, что каждый человек должен работать или голодать. Он требует, чтобы все существующие принудительно трудились на пользу общественного полезного работу. В сущности он приходит в жилище высших классов в Англии, как жестоких за принудительные работы, но — владетели — эти высшие классы Англии находят, что угроза голодом есть достаточно сильное принуждение для ленивого народа, но только не для них самих. Ленин ввел принудительный труд, от которого не избавлен решительно никто. Мы же имеем систему принудительных работ, которая относится ко всем, кроме тех, кто имеет много денег.

Ленин сделал еще одну ужасную вещь. Предположим, что вы вошли в большевики. Предположим, что большевики одобряют вас. Вы в ленту и уже заранее знаете, что с вами сделают большевики (отрежут конечности пальцы, нос, уши и т. д.). Когда вы отходите, к вам являются чекисты и спрашивают: «Вы англичанин?» Вы разумеется с гордостью отвечаете: «Да». Тогда он подает вам целую кипу большевистской литературы на английском языке, и вы должны знать ее... Вы начинаете понимать, чего хотят и что делают большевики. Вам тоже посылают три раза в неделю в театр и пускают гулять по городу, дабы вы видели, как идет жизнь. Вас заставляют читать книги точно так же, как это делают у нас высшие классы с детьми в подобных школах. Они вдалбливают в ваши головы свои идеи. Эта «жестокость» совершается им, однако, не только над взрослыми, но и над всеми детьми России. Русских детей теперь с ранних лет учат, что в высшей степени бесчестно для человека не быть производительным работником. Вот каким «ужасным» учат большевики детей».

1 февраля 1924 г. Шоу послал телеграмму биографу Арнольду Гендерсону (смотрите его книгу «Блестящие ирландцы Шоу», Лондон, 1925 г.), что он «коммунист, но не большевик, ибо хотя слово большевик ничего не обозначает для же Муссолини и Ленина, Пуанкаре и Ллойд Джорджа и Хомар Гринвуд, Мэтью Паллмэр и Бонлуа-Ло... и потом тоже большевики». С точки зрения Шоу — большевики — это открытая диктатура вообще. Это не лингвистический спор. Речь идет о более существенном: Шоу признает социализм, но без диктатуры пролетариата. Теперь Шоу признает правомерность существования диктатуры пролетариата только в СССР, отвергая ее за Англию и заменяя ее своей любимой безвредной эволюцией. Правильно замечает Т. Дексон в «Коммунистическом обозрении» (Лондон, 1925 г.), что Шоу — это «злой-покровитель фабианского общества».

Шоу однажды заявил, что только три критика поняли его (смотрите журнал «Форум» том 92, № 5, за 1926 г.). Один из них — Честертон. В книге Честертона проводится мысль, что Шоу обнаружил своеобразный пессимизм. Это в корне. Этот оптимизм Шоу питается его полнокровным, народолюбивым, бодрящим, но внутренне порочным пессимизмом: Шоу не верит в капитализм, но Шоу опирается на этот изгнанный строй.

Хватит ли Шоу найти силу для оптимизма, направленного на действительное отрицание буржуазного строя?!

ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ *на службу обороне!*

ПИСАТЕЛИ В ЛОКАФ!

твердый марш

Восемь командиров
РККА
Врезывались ветру
в облака.
Старшему из разных
сорок лет,
Больше полпены —
прочим нет.
Молоды, упорны,
ясный взгляд;
Всей стране защита —
первый ряд.
Небо наклонилось
и само
Вслед за ними рвалось
в комсомол.
Поднимались плечом
от болот, —
Ей подобно неотпечу
вся пилот.

Выше, выше, выше —
день был сер —
Восемь командиров
СССР.
Если рявкнул гром бы
вражьих жерл,
Стал бы тверд, как ромбы,
ихний взор.
Если — крест фашистский
в небесах,
Вмт-вираж крутой бы
описал.
Но воздушной зыбы
тишь да мгла
Их рукою мертвой
стерегла.
Впоть затянут поиск
тучевой,
За дождем не видно
ничего.

Красных звезд не видно
на крыле,
Крепких рук не слышно
на руле.
Хоронили рядом
с грубом гроб.
Прислонились разом
к ромбу ромб...
Не слезой бессильной
их смерть по смерть:
Выше, выше, выше
в тучи марш.
Нахмурилось небо
к ним сама:
— Кто на смену вторыми —
в комсомол?

НИК. АСЕЕВ

на мертвом якоре

Как и всякая литературная организация, Севастопольский ЛОКАФ имеет своей совет.

Состав совета «подобран» безукоризненно.

Ответственный секретарь совета ЛОКАФ—он же ответственный редактор газеты «Красный Черноморец».

Член совета ЛОКАФ—он же заместитель ответственного редактора газеты «Красный Черноморец».

Член совета ЛОКАФ—он же литсотрудник газеты «Красный Черноморец».

Даже кандидат совета—сотрудник газеты «Красный Черноморец».

От пишущей масси, от рядовых краснофлотцев—один тов. Асмолов, избранный орссекторомм
ный орссекретарем.

Совет ЛОКАФ (читай—ответственный редактор «Красного Черноморца») поставил вопрос так:

Не надо никакой литературы. Дайте очерк в газету.

Дают? Нет, не дают. Обещают.

Посмотрим литстраницы локафовцев при «Красном Черноморце». Страницы полны всем, только не творчеством членов ЛОКАФ. В литстранице № 7 поместили накрапано 100 строк (три стихотворения). Остальной материал—редакционный. В странице № 8 — три стихотворения на 130 строк. Остальной материал — редакционный. В странице № 9 — еще лучше — 120 строк редакционного материала о Демьяне Бедном, 50 строк — «Творческая мобилизация ЛОКАФ», 50 строк — литературная почта, 20 строк — почтовый ящик, 50 строк — «пилика». Среди всего этого—4 стихотворения в очерк. В верху на полосе категорическое «Литстраница выходит 2 раза в месяц» (в мае вышел только один номер).

Может быть мало материала? Может, не пишут?

Материал есть. Пишут. Много пишут. И часто не плохо пишут. Но в архиве места хватает.

Локафовцы искренно сожалеют, что так мало литературных юбилеев, в дни которых выходит литстраница.

Вот юбилей Тараса Шевченко—литстраница № 6.

Вот Максим Горький едет в СССР—литстраница № 8.

Вот юбилей Демьяна Бедного—литстраница № 9.

Когда будет следующий юбилей? Кому литстраница посвятит свой очередной номер?

Есть старая английская сказка о слоне. Раздавил слон нечаянно наседку. Искренно огорченный этим, уселся слон на пышнет и сказал:

— Не чешлись, милые детки, я заменю вам матушку.

ЛОКАФ порвал всякие связи с СевАПП, но «слон» просит не нечалиться. А между тем они перестали совсем писать и посещать ЛОКАФ, другие на вопрос—как работает ЛОКАФ?—безнадежно машут рукой.

Кстати о взаимоотношениях с гражданскими писателями. Здесь Севастопольский ЛОКАФ занял особую позицию «Связь с АПП нам держить нечего. Народ там такой, который должен учиться у нас. У них много ошибок»...

Две по существу одинаковые пролетарские организации в одном городе, с одними задачами, но на разных полюсах. Не было ни одного совместного совещания, не было никакой совместной работы. В жизни Севастопольского ЛОКАФ не было еще таких вещей, как разбор творчества своих поэтов, прозаиков или как разбор злободневных литературных тем. Не было, да и не может быть. Ведь ЛОКАФ месяцами не собирается. Вопрос об учете локафовцев он по-себе поэтому отпадает, несмотря на то, что ЛОКАФ объединяет молодые, не созревшие, нуждающиеся в руководстве литературные силы краснофлотцев. Отпадает вопрос и о включении ЛОКАФ военкоровского актива.

Призыв ударников-краснофлотцев в литературу прошел слабо.

Чисто и гладко за кормой Севастопольского ЛОКАФ.

МАРСОВЫЙ

КНИГА больших проблем
и нечетких решений

АДАМ ДМИТРИЕВ — «Есть—могем корабль». ГИХЛ. Ленинградское-Балтийский ЛОКАФ. 1931 г. Стр. 152. Тираж 5.000. Ц. 1 р. 25 коп. (Серия «Литература и война»).

Последняя страница прочтена. Проверим первые впечатления. Они хорошие, бесспорно хорошие. Во-первых, потому, что видишь, как растет и крепнет ЛОКАФ, как четко, по-военному, дисциплинированно дает он свою продукцию (сначала Николотова «Перекоп», сейчас книжку Дмитриева); во-вторых, потому, что это—наша книжка. Наша и потому, что автор взял самую актуальную и злободневную тему (командиры, специалисты, вредительство, интервенция), наша и потому, что чувствуешь: писал ее—моряк, коммунист, отлично знающий то, о чем пишет.

Наша эта книжка, но именно поэтому повышены и наши требования к ней. Прежде всего партийности, исключительной политической четкости требуем мы от автора, взявшегося за такую ответственную тему.

Автор рисует будни летней учебы флота. Уборка, политзанятия, партсобрания, тактические учения, агитационная работа и изобретательство, аварии и ремонт большевистскими темпами, краснофлотцы и командиры, старые специалисты и молодые красномы, коммунисты, комсомольцы и беспартийные—типов материал, охваченный книгой.

Время действия—лето 1929 или 1930 годов. Корабли в море. У берегов Финляндии—французская эскадра. Чтобы облегчить начало интервенции, агентура империалистов хочет спровоцировать столкновение Красного флота с французским с тем, чтобы вина пала на первый. Из Москвы по радио дается приказ-фельшинка: обстрелять французскую эскадру. Привлеченный интервентами на свою сторону, командир крейсера приказывает начать атаку, но своевременно предупрежденный комиссар ликвидирует опасность.

Автор выбрал исключительно острый сюжет. В свете процесса «промпартии», раскрывшего механику подготовки интервенции, вопрос о непосредственном поводе, толчке для начала ее, приобретает особый интерес. Но для автора сюжет играет чисто служебную роль. Вокруг он ставит ряд проблем, из которых важнейшая — проблема кадров.

И все эта-то проблема автором не разрешена, вернее, разрешена настолько нечетко, что граничит с политической ошибкой.

Ключ к трактовке и решению автором проблемы кадров во флоте должны по авторскому замыслу дать два вычерчивания известные слова: «Пора, давно пора повернуться лицом к технике. Пора отбросить старый лозунг, отживший лозунг о неумолчательстве в технику и стать самим специалистами, знатоками дела, стать самими полными хозяевами дела» из Маяковского.

«Не тешься,
товарищ,
Мирным днем,
Сдавай добродушие в бри.
Товарищи,
Помни,
Между нами
Орудует классовый враг».

Но, по сути дела, автор не понял всей установки известной речи т. Сталина, и в основе своего решения положил тезис Маяковского, тезис, из которого вытекает только один: бей классового врага. Таково именно решение автора, вытекающее из его отношения к специалистам. Об этом можно судить из спора трех комиссаров.

«— Я тебя, старшой, не понимаю,— тыкал чуть не в лицо Базанову (военком крейсера) бороздой Смехов, — не понимаю... Тут все ясно, что в физике. Гнать их (старых специалистов. С. Р.) надо, старшой, в три шеи гнать надо. Выросли уже оном. Есть замена. А то наживем беду, как пить дать...

— Свои сговорты еще, не доверяй,— кивал военком на бороду Смехова, но нем в душе нагнашался с Назаем...

...Смехов по старой матросской привычке длинно, заразительно ругается, а Базанов перекрывает скрежет мотора:

— Нашу, Вася, перегибаешь, левый загиб...

Ты оптом на всех. Так же нельзя. Неужели ты не веришь в расчаение или ты не умеешь его заметить?—кричит Базанов.

— Ты уж совсем в левый угол завялся, — вмешивается Хохлов, — это же специфство.

— Погодь, отмахивался Смехов. — Я зря говорить не люблю, знаю всех, как обмуленных... И вот, старшой —потрясил он Базанову пальцем, — моя неправильная точка станет после пророчеством.

Смехов говорил еще с минуту, но Базанов уже не прислушивался. Он сердился на Ивана за его тупую левизну, предвуя тревогу, которая вель может проявиться и на деле. По Базанов был со многими мыслями Смехова невольно согласен» (стр. 91—92).

Мы видим, что Базанов солидаризуется с решением одного из военкомов: гнать всех в три шеи. Характерно, что Базанов спорит с ним совершенно правильно, обвиняет его в левом загибе, сердится на него за «тупую левизну, предвуя тревогу, но сам в душе с этими «левыми мыслями» соглашается.

Последующая измена командира крейсера является как бы справдением «пророчества» «левого» загибщика Смехова и одновременным оправданием «нервных» подозрений самого Базанова, отмечающегося в книге, до известной степени, партию, ее политику в отношении специалистов (Базанов все время показывается крепким, выдержанным партийцем).

Итак, гнать всех в три шеи—таково, по мнению автора, партийное решение проблемы о старых специалистах. Надо ли доказывать, что это решение ничего общего не имеет с общепартийными установками, что оно ни в какой мере не вытекает из слов т. Сталина, что здесь у самого автора доподлинно «левый» загиб.

В чем был смысл и значение выступления тов. Сталина в феврале 1931 г.? В том, что он заострил внимание на важнейшей задаче «большевики должны овладеть техникой и покончат зависимость, связь между вредительством и овладением большевиками техникой».

Автор, видя только одну сторону дела—сопротивление классового врага, не видит зависимости вредительства от степени овладения большевиками, рабочим классом техникой. Надо ли говорить, что ни в этой речи, ни где бы то ни было тов. Сталин, вообще не ставили вопроса о старых специалистах так, как ставит его автор. Не ставил так вопроса и РВС СССР в отношении старых военных специалистов. Тов. Сталин недавно снова подчеркнул, что даже в разгар вредительства советская власть практиковала «лишь одну единственную политику в отношении старой технической интеллигенции — политику разгрома активных вредителей, расслоения нейтральных и привлечения лояльных».

Автор книжки не понял основного. Вопрос об овладении техникой в книжке не нашел отражения. Сцена, рисующая рационализаторскую работу командиров, имеет лишь косвенное отношение к этой проблеме.

Общий вывод: книга, правильно показав Красный флот, автор не сумел дать правильное партийное разрешение проблемы использования старых специалистов, не сумел показать, как реализуются директивы партии об овладении техникой. Его решение политически неверно, противоречит установкам партии, игнорирует опасность «левых» загибов. Советский писатель, и в частности, писатель — член ЛОКАФ, должен понять, что только совершенно правильно усвоив генеральную линию нашей партии по любому вопросу, он имеет право браться за отражение ее в художественной литературе.

С. РАБИНОВИЧ

начало положено
опыт военизации писателей в ленинграде

Создание нужной для обороны страны художественной продукции упирается в необходимость организации воспитательной работы с писателями. Писатель-локафовец должен также тщательно готовиться к военной работе, как готовится стрелок, командир, политработник. Нужно прямо сказать, что до сих пор ни один из отделов ЛОКАФ в этой области ничего почти не делал.

Ленбалт ЛОКАФ после своей первой конференции (март 1931 г.), решив немедленно перейти от слов к делу. Дело это решили начать с организации военных курсов. До лета, когда основные писательские кадры разъезжаются из города с различными бригадами на стройки, в колхозы и заводы, оставалось всего полтора месяца. Это определило объем лекций и темы занятий: при очень напряженных темах можно было провести всего 14 занятий, в которые всего не вложишь. Надо было выбирать. Решили: главный упор сделать на разъяснение основных принципов марксизма-ленинизма в военном вопросе и на освещение задач печати в военное время.

Идея военных курсов была встречена с большим сочувствием и интересом в писательских организациях. На курсы записалось 62 человека (правда, 15 человек впоследствии отсеялось). Больше всего было представителей ВССН (30), затем—ЛАПП (21). Среди курсантов были и не члены ЛОКАФ. Наряду с этим оказалась не охваченной курсами значительная часть гражданских писателей-локафовцев.

К проведению занятий были привлечены работники ЛОКАФ, штаба ЛВО, ПУОКР и академии им. Толмачева.

Основным методом занятий являлась лекция, что, конечно, нельзя считать особенно удачным. Однако большинство лекторов стремилось заострить внимание лишь на немногих основных вопросах темы и разбирали их детально в процессе живой беседы. Этот метод был наиудачнее. Активность слушателей в таких беседах была чрезвычайно высокой. Наиболее оживленные прения вызвали вопросы о возможности классовой борьбы в Красной армии, о нашей политике в зависимых районах, о лозунге «Британия» в предстоящей войне и пр.

За время занятий писатели-курсанты выпустили два номера стенгазеты «Литобор». Стенгазета заострила внимание писателей на основных моментах занятий, подтягивала отставших, прививала квалифицированным писателям навыки работы в боевой печати (редколлегия была составлена из самих писателей). Помещение курсов позволило устроить тут же тир для стрельбы из малокалиберной винтовки (Тов). Заключительным и важнейшим этапом были две военно-литературных игры.

При проведении игр руководство ставило себе следующие задачи: проверить знания курсантов, проверить мобильность писателей, умение быстро и четко работать в условиях военного времени, сообщить известные навыки этой работы и повысить интерес писательской общественности к военным проблемам. Главным объектом игры был выпуск четырехполосной «Литгазеты». Выпуск листовок к войскам и населению воюющих (условно) с нами стран, создание драматургической продукции для клубов, частей и лектуголков (инсценировки, короткие пьески, обозрения), стихотворные лозунги для плакатов — все это заняло в игре далеко не последнее место.

Для составления листовок привлечены бли силы нацсекции ЛОКАФ (финны, поляки, латыши), для выпуска драматургической продукции—работники Всерекомдрама.

При составлении индивидуальных заданий учитывались не только род творчества данного писателя, но и его индивидуальные особенности, его познания в той или иной области. Всего было разработано в среднем 25 таких отдельных заданий на ближний ход игры.

Первый ход игры был проведен таким образом: вечером 19 мая писателям устно сообщены были правила игры, их назначение и условная обстановка. Затем каждому был вручен конверт с персональным заданием (дать к 10 часам утра следующего дня художественное произведение на определенную тему, определенного размера и жанра (очерк, памфлет, фельетон, стихи, лозунги, инсценировки, листовки и пр.). Писатели проявили к игре чрезвычайно большой интерес. Из 50 участников—30 человек сдали работы раньше срока.

В 17 часов курсанты собрались для ознакомления с выдающимися номерами «Литгазеты». Разбор был построен следующим образом: основной докладчик давал общую оценку первого хода игры, останавливался на типичных общих ошибках. Сотоварищи давали конкретную оценку отдельных работ. Почти при разборе зачитывали свои стихи. Примерно таким же образом проведен был и второй ход игры, с той разницей что удалось избежать многих организационных ошибок и недочетов первого хода.

В подавляющем большинстве работ отмечается правильное, в основном, представление о классовом характере предстоящей войны, как борьбы с империализмом за установление социалистического строя во всем мире.

Вместе с тем анализ работ выявил целый ряд ошибок политического и военного порядка. Во многих работах отмечена недооценка роли партии в предстоящей борьбе. Вопрос о партии или совсем обходится молчанием или же дело ограничивается несколькими классовыми фразами. Типичной ошибкой является также недооценка трудности и длительности предстоящей борьбы, в частности—трудностей развертывания революционной борьбы на Западе. В некоторых работах отчетливо слышится мотив «гром победы раздавайся». С другой стороны в ряде работ недостаточно учитывается значение такого громадного фактора, как наши соседники за рубежом (пролетариат и угнетенные народности).

У ряда авторов отмечено неправильное представление о социал-демократической партии и II Интернационале. Не учитывается современная функция социал-демократических партий, как партий защищающего капитализма, главной опоры буржуазии, активных организаторов и проводников политики интервенции.

Со стороны художественной, при наличии ряда очень ценных в литературном отношении работ, следует отметить следующие недочеты: некоторые для очень сухие бесодержательные статьи, в работах иногда встречаются штампы, шаблоны, громкие нанизанные выражения. Все же, качество большинства работ оказалось таково, что их можно было бы рассчитать при некоторой редакционной правке.

Чрезвычайно удачный опыт проведения военных курсов говорит прежде всего о политической сознательности и активности ленинградского писательства, о серьезном интересе значительных кругов писателей к военным проблемам.

В то же время курсы с полной наглядностью выявили, насколько еще слабо подготовлен в массе советский писатель к ответственнейшей задаче—защищать Республику трудящихся художественным словом.

В какой мере эти пробелы были восполнены нашими курсами?

Лекции, военные игры и разборы несомненно, еще больше заинтересовали писателей военными проблемами, дали некоторый минимум знаний в области военных вопросов, признаны известные навыки работы в условиях военного времени.

Если принять во внимание, что на курсах ставились и обсуждались основные вопросы мировоззренческого порядка и что основную массу курсантов составляли попутчики,—значение курсов будет еще шире. В известной мере курсы способствовали важнейшей задаче: перестройке попутчика и сознника рабочего класса.

Дело организованной и планомерной работы по военизации писателей, успешно начатое в Ленбалт ЛОКАФ, должно быть подхвачено всеми отделами ЛОКАФ.

Н. СВИРИН

Комплектованный ЮСЛОКАФ для работы в лагерях писатель Н. Дорохов включился в лагерную учебу красноармейцев. Под его руководством в частях организовано несколько литкружков и общелагерная литгруппа. Н. Дорохов и красноармейцы-литкружковцы принимают активное участие в полковой красноармейской печати. В общелагерной печатной многотиражке организована постоянная литстраница.

Недавно в лагерях проведен первый литвечер — для бойцов Н-ского стрелкового полка.

„так держать“

БОРИС ЛАВРЕНЕВ. «Так держать». Издательство писателей в Ленинграде. Л. 1931. Стр. 128. Ц. 80 к.

В книге «Так держать» Б. Лавренев рассказывает об осенних маневрах Балтийского флота, на которые он был командирован Ленбалт ЛОКАФ и редакцией «Красной звезды» ЛВО.

Несколько дней, проведенных на миноносце, дали писателю довольно большой материал о РККФ, о морской военной технике и о новом, невиданном еще в истории человечества типе «моряка»-краснофлотца.

«Чтобы говорить о настоящем, нужно вспомнить прошлое» (стр. 9). Из этого положения исходит Б. Лавренев, начиная свою книгу с воспоминаний о царском флоте, показывая «замордованного» царским офицером матроса Пригорниченко — друга детства автора. И в самом повествовании о Красном флоте автор неоднократно прибегает к историческим ссылкам. В результате прекрасно вырисовывается образ краснофлотца, дисциплинированного бойца по «классам», в по убеждению, краснофлотца, вызывающего на соцсоревнование командиров.

Книга Б. Лавренева дает читателю представление о технике торпедной атаки, о некоторых технических особенностях миноносцев, о работе машинного отделения миноносца и т. д. Показывая работу машин, показывая технику флота, Лавренев совершенно правильно отталкивается от «тех восторженных юродивых из писательской братии, которые вплоть в умиленную пространную и дикарский восторг перед машинами» (стр. 90). Автор показывает технику в связи с людьми (работа кочегарки мяпоцаеся и соцсоревнование кочегаров, создавших технику, посеевавших машинами).

Боевая публицистичность книги не должна заслонять от читателя отрицательных и «Так держать» ошибочных творческих установок автора. «Я нарочно писал о людях флота, как о массе, не останавливаясь на комсоставе в отдельности. Индивидуальные черты стираются—ярко остается и памяти лицо коллектива» (стр. 126), — пишет Б. Лавренев. Неверное, вредное противопоставление. Показ «индивидуальных черт» не умаляет и не стирает лица коллектива, а наоборот, позволяет показать коллектив во всем его многообразии, во всей его специфичности. К сожалению, автор не всегда следует этому неправильному творческому пути. «Индивидуальный» случай с краснофлотцем Б-вым, по формальным основаниям не вышедшим на специальный ремонт миноносца, характеризует у Лавренева именно типа флотского коллектива, высокий уровень его сознательности, его исключительную воодушевленность идеей обороны социалистического творчества.

В результате... мозаичной ...ориентации краснофлотцы, даются в отдельных ...спектах сценках: получаются добросовестные фотографические снимки, верно отображающие в данном случае героику РККФ, но еще не переходящие в обобщение большой художественной силы. И хорошо, что в своих творческих установках он не исследователен на практике, показывая иногда «индивидуальные» случаи, показывая «отдельных людей», которые характеризуют самоотверженную работу флотского коллектива. Показывая технику РККФ, автор не сумел отобразить ее классовую социалистическую сущность, увлекшись лишь внешними проявлениями овладения ею.

В целом книга—интересный документ, отображающий Красный флот, всегда готовый дать по тем рукам, которые тянутся из-за рубежей, чтобы выломать кирпичи из фундамента и обрушить вырастание уже стены». (Стр. 127).

С. Б.

о сборнике „на страже“
и неиспользованных возможностях *)

«Сборник составили Г. Александровым, отредактирован и приготовлен к печати ударной бригадой ГИХЛ в составе редакторов: Е. Неволоцкой, Н. Сац, К. Гальперина, И. Пулькина, С. Колмаджина и технического редактора В. Солнцева».

Так записано на второй странице сборника «На страже», изданного в текущем году ГИХЛ. Мы уверены, что не в пример критикам, замалчивающим факт появления сборника, широкие рабочие читательские массы встретили его с большим интересом.

Это понятно, составитель умело выбрал произведения, показывающие лицо сегодняшних Красной армии и флота. Будни социалистического строительства ежедневно отмечаются фактами героизма рабочего класса. Будни строительства Красной армии и флота не менее героичны. Очерк С. Диковского «Бой» великолепно показывает, как неразрывно связанная с рабочим классом Красная армия спасает от наводнения миллионы пудов хлеба. Не менее героически работают и краснофлотцы в очерках Вс. Вишневского «Чисто сработано» и «Какие мальчики во флоте».

К сожалению, весь материал сборника не блещет высоким художественным качеством, если не считать очерков С. Диковского, Вс. Вишневского, М. Кольцова и стихов Демьяна Бедного. Дедаль авторов сборника в основном выполнили свою политическую задачу. Но слова и образы произведений большинства авторов бледны и немощны. Сборник «На страже» говорит совершенно ясно: **на участие обороны Советского союза в художественной литературе недопустимо. Красная армия и Красный флот восстановительного и реконструктивного периодов в художественной литературе почти не показаны.**

Сейчас положение немного улучшилось. Полной жизнью зажил ЛОКАФ. Появились его журналы, книги, газеты. Вытянулся на красноармейской и краснофлотской среды кадр молодых талантливых авторов. О больших успехах в художественном показе красноармейских и краснофлотских будней пока еще говорить не приходится, но уже есть ряд ценных художественных зарисовок в журналах «ЛОКАФ», «ЗАПП», в серии ГИХЛ «Литература в войне», в военных газетах. Все это говорит о том, что сборник «На страже» можно было сделать свежее и лучше.

Бригада, составившая сборник «На страже», поставила перед ЛОКАФ вопрос о необходимости получше заняться в работе с издательской общественностью, так как сборник вышел без малейшего участия ЛОКАФ. В одинаковой степени и перед издателями встает вопрос об улучшении связи с ЛОКАФ. Ведь не случайно предисловие к сборнику «На страже» не сумело поставить конкретных задач в отображении вопросов обороны СССР в художественной литературе. При помощи ЛОКАФ можно было включить в сборник ряд ценных новых произведений.

Д. Л.

*) «НА СТРАЖЕ». ГИХЛ. М. 1931. Стр. 206. 1 р. 60 к.

подальше от „лесострунных рек“
за боевую красноармейскую тематику
начинающий писатель-красноармеец ждет помощи

Опыт работы некоторых красноармейских кружков (Н—ского полка связи, Н—ской радиочасти и Московской военно-инженерной школы) показал, каких ошибок следует избегать в подходе к каждому отдельному кружковцу-красноармейцу, чтобы в одном случае парень не укреплялся в мысли, что он «без малого» красноармейский писатель (но имеи на то данных), в другом,—чтобы парень, способный и даже талантливый, не пренебрег своими творческими возможностями.

Уровень развития начинающих красноармейских писателей можно определить так: довольно высокая культура чередуется с полнейшей литературной безграмотностью, а средняя грамотность порой достигает неожиданных результатов: пишущий среднее обгоняет более сильного «поэта» (Разночасть). Пишут кружковцы о военной технике, о боевой подготовке, но они пишут и о «лодных растениях», «лирах лапчатой шины» и «реках лесострунных».

«Лесострунные реки» (звучит подобно поэзии курсантов Военной школы С. Есенина, и поэзиты они в связи с пребыванием в лагерях. Прежде всего—налицо ошибочный взгляд на военный лагерь, как на своего рода курорт. Лагерь от курорта отличается лишь тем, что в нем нельзя предаваться покою,—ясной замедел поэтому «пылкой суетой»:

Скомкаю бездорожья
Пылкой суеты,
Наша осень тоже
Ступит на цветы...

В переводе на язык автора смысл таков: «когда небо избегает осенью цветок», т. е., когда попросту наступит осень, то вместо с ней придет в раскрепощенье — курсанты вернутся из лагеря на волю. (!).

Близок ли, далек ли
Предрешенный срок... и т. д.

«Подлинное красноармейское творчество, чудесные стихи!» — восхищенно хвалит это начинающее преподавание литературы Прудников. Здесь сказалась особенность школы повышенного типа, где живая струя пролетарского влияния новых кадров сочетается с влиянием старых спецов-преподавателей. Уважаемый преподаватель ошибся: Военная школа выпускает не поэтов и таланты «хлопкова», которых в свое время фабриковал кадетский корпус, она выпускает будущих красных командиров.

Стеченко и сам понимает это.

Откуда же такой разрыв между идеологической его устремленностью и плохо завуалированной неприязнью, с какой он, рабочий-слесарь, пишет, пишет о лагере?

В дальнейшем Стеченко переключается. Он пишет большой очерк о самом себе, изменив лишь фамилию своего героя. Автор не умалчивает о происходящей в нем очно время борьбе: на заводе лучше, жалко ему завод, он тяготится внутренним расколом школы — душно... Появляется отдушина:—партсекретарь Б. Виноград (он же Стеченко) прикрепляет сильного парнишку-курсанта из рабочих же. Парень втягивается в армейскую жизнь, уясняет себе необходимость дисциплины в Красной армии и становится примерным, как курсант и общественник.

Как интересная параллель, напрашивается Борботько, курсант той же школы. Его стихи покрепче. В стихотворении «На почту» ему до некоторой степени удается увязать личное с общественным. Над автором довлеют «очи голубые и вербы у моста», но наружный пост — не шутка. И хотя:

...былого набежал напор,
Но чуть хруст, и я гляжу тревожно
И рукой цепляюсь за затвор.

Борботько — поэт, но он пробует писать и прозу. Тема его очерка (предназначается для книги очерков, которую кружок так и не напечатал) приблизительно за же, что и у Стеченко. Но если у того Виноград приходит в школу с завода, из организованной среды, то у Борботько — это редкий в крестьянстве тип анархиста, парня зеленого, своевольного, выросшего не столько в условиях «свободы поступков, сколько именно в условиях своеволия, благодаря которому он подпадает под разлагающее влияние городского хулиганья. Таким его герой приходит в школу. Парень-бунтарь вначало не мирится с железной дисциплиной школы, но и школа не терпит бунтарей. Борьба. Побеждает школа.

Конечно, не всякому такому «перевоспитанию» можно верить. В радиочасти, например, несколько месяцев назад свила себе вроде гнездо есенинщина. По газетным сведениям («Красный воин») Есенину подражали не только теоретически. Была и кой-какие практические результаты: пьянка, дебоши. История эта была быстро ликвидирована, но следы есенинщины старались крайне медленно, не стерлись они окончательно и посейчас. Об этом говоря унылые стихи Жбанова, расценивающего свое исключение из комсомола (за ту же пьянку) как постыдное прошлое, от которого только и можно уйти, что к «милой под крылышко». И когда в последующих своих стихах Жбанов под влиянием кружка пишет о другом — о бодрости и о том, что «взвод красных бойцов уже песни поет»,—как-то не верится в искренность автора.

Не ушел от есенинского влияния даже примитивный до детскости Дружинин (радиочасть). Его «Письмо матери»—беспомощное подражание незадачливому поэту (воспроизводится без каких бы то ни было изменений):

Ну как живешь—мои старушка
Письмо сынок вам написал
Взял конверт написал марку
И на почту отослал...

На фоне таких примитивов выгодно выступает творчество радиста Шлыкова. Формально Шлыков и грамотнее и культурнее остальных кружковцев, но по существу его проза напоминает вафли: хочется куснуть по-настоящему, а кусать-то и нечего. Рассказы его схематичны, темы рассказов случайны и не новы (венчание комсомольца в церкви, приключения маленькой мышки и т. д.). Главное — у автора нет классовой непримиримости: кулак у Шлыкова выглядит так же, как никому не мешающий интеллигент-рантье у Зощенко, и все, кроме кулаков, люди тоже не плохие и не хорошие — люди как люди... Активный участник есенинской истории, Шлыков, видимо, решил бросить всякую «политику»,— получается отрыв автора от окружающей его красноармейской среды: о Красной армии он не пишет.

Творческим активом литкружка Н—ского полка связи нужно считать Питарева, Жилинского, Куликова.

Последний малоречив в творческой своей сдержанности даже несколько замкнут. Бросается в глаза скупость, крайняя экономия слов:

Спушай, друг:
Мысли — в круг.
Энергия — взрыв.
У крючка
Сторяча
Не ошибись,
Иначе —
Прорыв... («Морзянка»).

Полной противоположностью Куликову является Жилинский. Неисправимый изобретатель, рационализатор, живой и подвижный, он на мулел ЦДКА упустит не формальное восприятие музейных экспонатов, он придает им новый смысл, новые оттенки:

Бодрость и радость в гулких залах,
Песни и смех — ветром в лицо.
Клич вождей к полотнищ алых
Снова и знаменам зовет бойцов.

Германа Питарев — одна из тех красных бойцов, которые живут радостями своей армии и болеют ее болью. В небольшом его очерке (зерисе — зарисовках) «Прорыв» есть два момента, указывающие на то, что автор при всей своей скромности не лишен знания меры и что в изображении начостава он избегает шаблонов.

Одна из рот полка вромахнулась: в карауле заснули — позор! Как автор полает этот момент? «На буксир, на черную доску, на... на... на...».

Нет, он не впадает в истерику, а просто говорит: «Хотелось бы не слышать разговоров, забиться куда-нибудь, смыться с собрания»...

Ему стыдно, по-хорошему стыдно. И не за себя—за товарищей. И хотя «начкоплоа» не он, но ответ перед полком нужно держать вместе, изорвы необходимо ликвидировать сообща.

СОФЬЯ РЕЗНИК

хроника локаф

татлокаф

Взяты на учет орденсены и премированные ударники казанских лагерей. По заданию ТатЛОКАФ пишутся художественные произведения. Часть этих произведений уже печатается в литературном «Коллективе» и в поволжских номерах литературных журналов. Недавно была организована встреча татарских пролетарских писателей с переменниками школы. Для участия в воинских маневрах лагерей ТатЛОКАФ выделяет около 15 татарских писателей.

Литературный учебник частей начинается первым литальманахом. В сентябре выпускается отдельный сборник, посвященный художественному показу ударников летней учебы и маневров этого года.

севкавлокаф

Северо-Кавказская организация помимо создания отделений в ряде лагерей и в гарнизонах Краснодара, Ставрополя и Северокавказа участвует в полковой печати, устраивает массовые литературные вечера, посвященные их с призывом ударников в литературу.

Миллеровское отделение Северо-ЛОКАФ подготовило к печати книжку о соревновании и ударничестве в РККА.

средазлокаф

ЛОКАФ Средней Азии работает втайсе всех. Фонды отправлены в чайхи и при домах Красной армии в Фергане, Ашхабаде, Кушке. По секретариат Средазлокаф на этом остановится. Кружки не в состоянии помощи. Не сущим обстановка, которая благоприятствовала бы развертыванию работы. Руководители к кружкам не приняли планы.

А. Д.

„ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА“ должна исправить ошибку

В № 167 «Вечерней Москвы» от 15 июля за подписью тов. Перимовой помещена заметка о книге Вс. Иванова «Путешествие в страну, которой нет». Заметка снабжена заголовком: «Никудыне путешествия по кривенькой стране». В тексте заметки Т. Перимова пишет: «Дальнейшие очерки по такому творческому пути ведут в лагерь тех, чье творчество перекликается с нашими классовыми врагами».

Творчество Вс. Иванова последних лет нуждается в исследовательской, продуманной, товарищеской критике. В такой критике, в частности, нуждается и книга «Путешествие в страну, которой нет». Но выступление «Вечерней Москвы» никакого общего с такой критикой не имеет. Заметка Т. Перимовой имеет характер безответственного демагогического выпада, она пытается советского писателя, а не помогает ему в мировоззренческой и творческой перестройке, она извращает действительность изображая творческую эволюцию Вс. Иванова после «Тайного тайных» и «Особняка», как приближение к лагерю классовых врагов.

Мы настойчиво обращаем внимание «Вечерней Москвы» на то, что за последнее время на ее страницах не было ни одной критико-библиографической заметки, посвященной успехам советской и попутнической литературы, а в то же время систематически практикуется подбор фактов (порою извращенных, как в случае с заметкой Перимовой) проявления классово-враждебных тенденций в творчестве известных групп попутчиков-писателей. Тем самым читатель «Вечерней Москвы» получает совершенно ложное представление о процессах, происходящих в попутнической литературе.

«Вечерняя Москва» должна выправить линию своего критико-библиографического отдела.

шефская бригада ФОСП

18 июля состоялось первое совещание писательской бригады, выделенной секретариатом ФОСП для оживления шефской работы на заводе им. Владимира Ильича.

На необходимость сейчас же включиться в работу по ликвидации прорыва на заводе указал т. Гильдин. Первые типы, которые сделает бригада, должны будут войти по линии помощи молодой печатной газете «Ильичевец», стенным газетам, а также по линии помощи литературу.

Выступивший затем т. Шумилов расчленил работу бригады на заводе на четыре, связанные между собой, части:

1. Работа по сознанию бригады завода, связь с этой бригадой, вовлечение рабочих в жизнь литературных организаций.

2. Работа над Красной книгой истории завода.

3. Помощь заводской и стенным газетам.

4. Помощь литературу.

Ряд других выступавших товарищей единодушно подчеркивали необходимость расчленения работы, во избежание разбазаривания мощной помощью революции шефства.

В бригаде сейчас 15 человек.

редакционно-издательский институт должен существовать!

Лефака МГУ больше не существует... На его базе вырастает новое учебное заведение — Редакционно-издательский институт при ОГИЗ. Мы учреждаем здесь формулировку «вырастает», а не «вырос» потому что борьба за институт не окончена, не все розетки убраны с дороги, не все бревны разгружены. Институту продолжают угрожать опасность от таких «микробов», как волокита, как безучастно-выжидательное отношение со стороны... (никак нельзя подумать!) Наркомпроса.

Борьба за страстного редакционно-издательского вуза органически связанный со своим производством, идет уже давно. Студенчество и руководители института знают, сколько уже было переломано копий, сколько страстной полемики пролилось выдержать с ОГИЗ и с разными отделами кадров, пока не было принято историческое решение:

создать в текущем году Редиздатинститут.

Таково постановление Совнаркома РСФСР — в мае месяце этого года. Казалось бы, что после него должны были немедленно прекратиться всякие недостойные споры, дальнейшая оттяжка строительства института. Нет. Наркомпрос ухитрился до сегодняшнего дня не только не сказать ни одного членораздельного слова в пользу нового вуза, но наоборот, его политика находится в вопиющем противоречии и с решением Совнаркома, и с требованиями широкой пролетарской общественности.

До сих пор еще нет постановления коллегии Наркомпроса о передаче института в ведение ОГИЗ, ничего реального не предпринято первым для ускорения развертывания нового института. Мало этого. Некоторыми наркомпросовскими чиновниками в последнее время ведет буквально «крестовый поход» против института («Карфаген должен быть разрушен»...). Где-то в недрах наркомата вынашивается решение: отобрать у Редиздатинститута помещение и передать его вновь открывающемуся центральному вузу. Директор института и представитель Наркомпроса устраивают нажат на институт, предъявляют ему ультимативное требование: «Если не выбраться на здания через 5—10 дней, мы выносим мебель и опечатаем помещение».

Выгнать институт на улицу не трудно. Но что скажут на это 397 находящихся в нем сейчас студентов, из которых 214 рабочих, — 43 проц. коммунистов (а с новым приемом в институте будет 670 человек), что скажут рабочие фабрик и заводов, которые требуют от издательств хорошей, идеологически выдержанной, массовой книжной продукции?

Мы должны здесь особо отметить и тот факт, что пролетарские литературные организации (РАПП и ВОКПО) совершенно не принимают участия в строительстве Редиздатинститута. Терпимо ли такое равнодушие? Ведь в работе двух отличных институтов (литературного и кинематографического) рационная организация только выиграла бы, если бы они стали на сторону разгрузки дела руководства и помощи в этом начинания и организации учебной смены на этих отделениях.

Институт имеет право на существование. Пролетарская общественность должна подать свой голос в его защиту!

Необходимо в кратчайшей форме потребовать от Наркомпроса закрепления за институтом занимаемого им ныне здания и оформления в кратчайший срок передачи института в ведение ОГИЗ.

На ближайшем же заседании секретариата РАПП надо поставить вопрос об участии последнего в организации и руководстве РИИК.

А. ВОЛОЖЕНИН

не свертывать работы!

На-днях состоялось очередное заседание секретариата МАПП, основным вопросом которого являлся отчет об общем состоянии работы райбюро, в частности о ходе творческого смотра.

Несмотря на чрезвычайно напряженную секретариата МАПП, своевременно спланированное еженедельное обсуждение работы по месяцам время, «летние настроения» расцвели пышным цветом в некоторых райбюро. Отъезд руководящих в отпуск, падение активности самих литературников резко сказались на снижении темпов работы.

На всеми работою представители трех бюро больше не явились на заседание. За исключением Сокольнического и Сталинградского районов, где наличие стремление сохранить нужные темпы, во всех райбюро царит летнее затишье.

В. Киршон подчеркнул важность и неотложность выполнения задач, стоящих перед МАПП и двигающих необходимость немедленно мобилизовать активность работников райбюро, проявляя по-боевому проводить творческий смотр и выдвигая на первый план работу по показу героев пятилетки.

Секретариат МАПП выделил комиссию в составе тт. Храпченко, Трошенко, Грина и Фридмана для проверки результатов работы по плану будет пятилетки.

Комиссия поручено также подготовить сборник брошюр объемом в 5—6 печатных листов, с краткой статьей к каждому сборнику. Этот сборник и отдельные книги, посвященные героям социалистических темпов, войдут в серию библиотеки МАПП и журнала «Рост».

Е. П.

на борьбу за корма

Секретариат ФОСП, заслушав информационный доклад представителя Наркомзема СССР т. Боева о проведении кормового похода и сильной кампании, признал необходимым привлечь к их участию путем использования задачи писателей, посвященных хлебо-уборочную кампанию, а также лекциями колхозов и совхозов.

ФОСП разошлет через ТАСС в найденную печать литературный материал, посвященный кормовой и силосной проблеме. Литорганизациям (РАПП и ВОКПО) предложено обратиться к местным организациям с письмом о включении пролетарских и пролетарско-колхозных писателей в кормовой поход.

„СОЮЗПЕЧАТЬ“ снова сорвала распространение „литгазеты“

ВНИМАНИЮ ОРГАНОВ РКИ

Сигналы «Литгазеты» о нейтрализации в работе реакционного аппарата Союзпечати не получили пока должного действия. Аппарат Союзпечати попрежнему работает из рук вон плохо.

15 июля большинство районов Москвы (Фрунзенский, Красно-Пресненский, Октябрьский, Центральный, Замоскворецкий) остались без «Литгазеты» и киосках Союзпечати «Литгазета» не была. Точно экземпляров «Л. Г.» оставлено лишь в районных киосках Союзпечати только потому, что центральная агентура Союзпечати разносит выпущенную разверстку тиража «Л. Г.» с большим запасом. Разносчик на одном получили «Л. Г.» в 10 часов, другие, конечно, не могли распродать ее киоскам, которые получили остальные газеты значительно раньше.

В этот день без «Литгазеты» остались не только москвичи, но и приезжие командированные, что вызывает справедливый нарекания. Отсутствие «Л. Г.» в киосках Союзпечати не позволяет не только иногородним, но даже Москве. Около 20.00 экземпляров «Л. Г.» остались на центральном складе Союзпечати.

Все эти безобразия допущены Союзбумагой несмотря на то, что 29 типографий возобновили выпуск «Л. Г.» по плану Москвы, положено административное взыскание.

***

Мы неоднократно указывали на необходимость рассылки «Л. Г.» непосредственно из типографии в районные экспедиции Союзпечати, так как центральная экспедиция Союзпечати принцип своевременное распространение «Л. Г.». Безобразная работа распространенческого аппарата Союзпечати, срывающего распространение не только «Литгазеты», но и всех других газет, требует внимательства РКИ.

Е. П.

ПРЕЗИДИУМ СОБРАНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ И ЖУРНАЛИСТОВ, ПОСВЯЩЕННОГО ВСТРЕЧЕ В ДОМЕ ПЕЧАТИ С РАБОТНИКАМИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ СТРАНЫ

В центре — литературный руководитель изд-ва «Универзум Бюхерай» т. ПВЕЛЬ; слева в углу — ДЖ. ДЖЕРМАНЕТТО (с трубкой), правее БЕЛА ИЛЛЕШ, АННА КАРАКАЕВА, А. ТАРАСОВ-РОДИОНОВ, Ф. ГЛАДКОВ.

за рубежом

ВОЗДУШНАЯ ЛИНИЯ СССР—ЧЕХО-СЛОВАКИЯ

Актуальный кризис, тяжесть которого в последние годы ощущает капиталистический мир, сказался и на книжном рынке, и в данное время передовая литература вряд ли увидит свет даже в крупных чешских издательствах.

Современная советская литература, переведенная на чешский язык в течение последних шести лет, служит лучшим показателем живого к ней интереса. То, что издано в Чехословакии из советской литературы, далеко не отвечает тому большому спросу, который она вызывает. «Русская библиотека» начала ранее в большом количестве переводить русских авторов. Теперь «новая русская библиотека» начала свою деятельность с издания сочинений Максима Горького (пока выпущено два тома).

Тяжка государственной цензуры тормозит развитие дружеских связей СССР, изнывающих в Чехо-Словакии, и не разрешает людей читать лучшие произведения советской литературы. Только единичных советских писателей вы найдете в каталогах каталогах и проспектах. И среди них мы встретим главным образом Эренбурга, Вавеля, Федина, Вс. Иванова. Имеется лишь один том сочинений Маяковского, несмотря на его большую популярность. В последнее время интерес не только к советской, но и всей переходной литературе понизился.

Большинство писателей не принимает теперь активного участия на боевом фронте революционной литературы. Было время, когда молодые революционные чешские литераторы обращали прочесть обильные плоды. Это было в 1929 году, когда почти все молодое поколение стремлений было готово боротся в одном ряду с пролетариатом и затем принимало участие в революционной работе. Ян Волкер стал тогда во главе группы «Деятельность», которая культивировала зерна революционной литературы.

А затем, когда раздались выстрелы у пожарного и рабочее движение было подавлено, замолкла и революционная литература. Волкер умер в советской для туберкулезных. «Деятельность» если не расцвела окончательно, то активность его доходит до минимума.

Старшая группа коммунистически настроенных писателей стоймя от партии, или была отстранена. Только в течение последних двух лет чешские газеты стали проявлять к произведениям молодых чешских авторов. Происходится социально-политическая ситуация помогает новой концепции писателей и пробуждает силы, силы.

Осуществляются попытки формирования кадров пролетарских авторов-рабочих и печатание их произведений. Но они сидят в сожалению еще слишком сильно ориентируются на буржуазное искусство и на изучение революционной тематики.

Главные литературные силы группируются вокруг революционных организаций. Из них в дату можно отметить — «Поэзия» и «Левый фронт». «Левый фронт» — сравнительно новый литературно-политический журнал, им руководит т. Юлек Фучик. «Левый фронт» занимается выяснением своих позиций и это ему удается теперь в связи с решениями съезда «Левого фронта» в Брно.

В г. Брно (второй город после Праги в Чехо-Словакии) «Левым фронтом» руководит доктор Вальдек. Он был представителем чешской литературы на съезде международной революционной литературы в Харькове. Его участие в работах съезда изменило в корне его взгляд зрения на молодую литературу.

Не чувствуется еще прямого влияния советской литературы на чехо-словацкую. Иной вопрос — незначительный, очень слабый контакт обеих культур. К нам в Прагу приезжает очень мало советских писателей. Очень немногим чешским писателям удается посетить и СССР.

В театре дело обстоит по-иному. Первые впечатления создания нового театра были под непосредственным влиянием русского театра. Знаменитый чешский режиссер Индрих Гонзек начинал подобно декоративно от русских театральных образцов. Его выдающаяся техническая новая разновидность заметно, и все же сближалась больше всего с русским театром.

Одни государственные театры не избежали влияния русского театра. Большому актеру далеко до технической культуры и мастерства советского актера. Не один из прежних театров не может подобрать до высоты того мастерства, которым владеет советский театр.

Я не рискую дать оценки искусству СССР. Я могу только завидовать товарищам из СССР, что они в этом творчестве и работе свободны от рассудка, разнообразности, суматохи мысли, чувствуют в бешеных позициях искусства, получила новую, получили сегодняшнего дня. Советские художники свободны от всего того, что в центральной Европе начинает судорожные стремления и творческих неудачах.

И если бы не было СССР и связанных с ним надежд — жить было бы трудно.

АЛЬФЬЮ ГОФМАЙСТЕР редактор журнала «Литературные новости»

очередная пошлость

Дом печати устраивает на-днях диспут: «Быть ли советской оперетте?» Правильнее было бы назвать его так: «Быть ли оперетте — советской?» Это вернее.

Не предрешая общего вопроса, отразившимся указанием, что использование на советской сцене опереточного жанра, построенного на нашей актуальной тематике, мыслимо, в лучшем случае, при коренной его реконструкции.

Оперетта «Даже в трикотаже», поставленная Московским театром оперетты, претендует на звание советской и поэтому должна бы как-то ответить и на эти принципиальные вопросы.

Как же она, с позволения сказать, «отвечает»?

Текст оперетты написал тт. Данциг-ером и Типотом. С трудом можно догадаться о том, что они хотели изобразить классовую борьбу на конфессионной фабрике. Получилось вместо этого — пошлейшая любовная история, типичная для буржуазной оперетты ситуация: преодоление порока, счастливое завершение судьбы влюбленных парочек и т. д. «Знакомые все лица» и персонажи: «герой», «героиня», «субретка», «комик-буфф» и т. д. При этом качество текста таково, что сравнение с «венскими» оперетками не в его пользу.

Комментария к этому были бы излишни. Но все эти пошлости сопровождаются попытками напустить «идеологического» тумана, в результате чего театр даст сверхную пародию на советских рабочих и, особенно, работниц.

Театр «честно дополнил» авторов. Оформление фабрики в «рабочее» не имеет даже отдаленного сходства с действительностью, так же как и «пароходы», деревья и т. п. — в старых оперетках. Если, скажем, «зимний сад» в «Шестой мира» сумел дать новые массовые сцены, новые движения, то в данном случае, то, что должно называться физкультурным танцем, просто плохо копирует классический балет.

Театр совершенно не использовал специфики своих изобретательных средств — для показа рабочих и работниц, в то же время привычно ярко очертив персонажи, называющиеся «отрицательными».

И т. д., и т. п.

*

Итог: почему же эта оперетта — советская?

И «быть ли советской оперетте»?..

МИХ.

***

Быть ли советской оперетте?

Сектор литературы и искусства Дома печати устраивает 22 июля под председательством О. С. Литовского диспут на тему «Быть ли советской оперетте?»

Докладчик К. Мленчик. В диспуте примут участие: Н. Адуев, Араго, В. Бебутов Э., Бескин В., Блюм, О. Литовский Е., Масс И., Нежный Р., Пикель В., Типот И., Шершеневич А. Черноярдинов и др. Диспут будет иллюстрирован показом отрывков из «пьесы» и советских оперетт. Начало диспута в семь часов вечера. Вход по специальным приглашательным билетам.

письма в редакцию

16 июля на Политбюро ФОСП, в, является по вопросу о положении на бумажном фронте и говоря о необходимости произвести перемаст тиражей и сети литературно-художественной периодики, сослался на примеры, приведенные А. М. Горьким в его статье о бумаге («Правда» и «Известия» за 19 апреля 1931 г.) и сказал, что примеры легко умножить. Изложенным письмом я восполняю упущенное мною в выступлении указание на опечатку указанных выше примеров.

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ.

Наше время требует от всякого писателя самокритического отношения к своему творчеству. Надо иметь мужество признавать свои ошибки, исправлять их, перестраиваться.

Признаю свои ошибки и я, в своих прежних стихах (1919—1924) я отдал некоторую дань оригинальному эстетизму и старым литературным традициям, изучим с Бесом. Но это — пройденный путь. В прошлом дальнейшей работы я вовсем сознаю избавляется от малого эстетизма и подойти плотнее к современной тематике.

АЛЕКСАНДР ЧАТИКОВ

В издании ГИХЛ вышла моя книга стихов «Мастера земли».

Читательство по-моему не было нужным дать мне внимательно корректуру, вследствие чего в книге допущен ряд ошибок. Отдельные стихи попали не в те разделы, в которые они намечались (например — «Поэма ухода» вместо первого раздела попала во второй), в тексте пропущены отдельные слова и т. п. Так, строфа «Я думаю, чтобы пустить их в мир — достаточно ли они прочли свою изуку» (Комендарме) напечатана таким образом: «Я чтобы пустить их в мир» и т. д. Но особенно возмутительной является перестановка конца в стихотворении «Дорожная песня». Там у меня, в ироническом тоне, было сказано: «У крыльца стоит пацана мой — уродливый середняк». В книжке же напечатано: «уравнивный середняк». Это уже звучит совершенно по-другому, принимая особый, чуждый мне смысл.

МИХ. ИСАКОВСКИЙ.

поправки

⁂ В № 38 «Л. Г.» в заметке «План сорван» напечатано: «Издательство получило 257 тонн бумаги». Следует читать: «23,7 тонн».

⁂ В номере «Л. Г.» от 15 июля в статье «О полярных медведях, тропических змеях и очерке — Гумм» напечатано: «Что же, товарищ Чернявский — вначе опровергать читатель — это вроде «принудительного несгораемства», что ли, ваши очерки о «кампании, фактоле вытекающие от которой» и т. д. — Нужно читать: «от которых», т. е. очерков.

⁂ В № 37 «Л. Г.» в письме в редакцию литературка завода им. Владимира Ильича «ФОСП не оправдал наших ожиданий» ошибочно напечатано: И. Катаев — следует читать: В. Катаев.

⁂ В № 38 «Л. Г.» в отделе «Литературное сегодня» на основании информации, полученной из секретариата Мосгорлит напечатана заметка о том, что член МОПП Н. Хозмин, выделенный ЛОКАФ для работы в лагерях РККА, вместо того, чтобы поехать в часть, выехал в отпуск.

По полученным дополнительным сведениям — Н. Хозмин не уехал в отпуск, а находится в командировке по заданию военсекретаря МК ВКП(б). Таким образом заявка т. Хозмина повидимому сводится лишь к тому, что он своевременно не сообщил Мосгорлиту о своей командировке.

извещения

⁂ 21 июля—17 ч.—в помещении МАПП (Тверская, 50) — совещание поэтов и прозаиков, посвященное участию МАПП в перебоке рабочей молодежи в комсомол.

⁂ 22 июля—17 ч.—в клубе ФОСП (ул. Воровского, 52)—бюро фракции РОПКП.

⁂ 22 июля—16 ч.—слет литкружков Фрунзенского района—в Комсомольском. Доклад т. Луначарского—«О творческом смотре».

⁂ 22 июля—20 ч. 45 м.—в клубе ФОСП—дискуссионный кинопросмотр картины «Встанайте мертвые». Режиссер Глаголин. Производство Совкино.

⁂ 22 июля—18 ч.—в помещении Дома Герцена (Тверской б., 25)—депутатская группа и бригада писателей по шефству над учебным домом, организуют Комсомольским советом. Повестка дня: выполнение резолюции решений комсомольского пленума ВКП(б) и МК ВКП(б) о городском хозяйстве.

—Обязаны явиться депутаты в Мосгорсовет тт. Аверсах и Мальцинов, в райсовет тт. Кирьяков, Арский, Вель Ивлер, Лугинской и тт. Сингарь, Шувалов, Штрайх, Чатиков, Черемнов, Хант, Рохлеко, Кремлев, Блеск, Сперский.

⁂ 23 июля—16 ч.—заседание секретариата МАПП (Тверская, 50)

⁂ 23 июля—20 ч. 30 м.—в клубе ФОСП—отчетный вечер т. Арго о поездке в Магнитогорск.

⁂ 23 июля—20 ч.—в Доме Герцена—доклад Вяч. Полонского «Мистерия и творчество».

⁂ 23 июля—19 ч.—занятие кружка «РОСТ», совместно с литкружком завода «Электрик» (Пресненская, 27). Доклад т. Матрофанова о творческой платформе «Наждачной смены».

⁂ 24 июля—выездная редакция журнала «Рост» — на Электрозаводе — с докладом т. Киршона.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, Н. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, И. Соколинский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек»

пролетарские отряды искусства обмениваются опытом

⁂ 25 июля, в большом зале Комвуза состоится в 17 ч. общее собрание всех кадров МАПП, ВАПП, АРКИ, ТАКХ, ЛЕФ, Всерабкомдрама, АРМО и художественных бригад, работающих на предприятиях.

Вечер будет посвящен обмену творческим опытом пролетарских отрядов искусства.

Вступительное слово—В. Киршона.

Доклады: Юков—кино, Афиногенов—театр, Лебединский—музыка, Беккер—изо.

Демонстрация творчества всех организаций. Доклады и художественная часть собрания будут транслироваться по радио.

Литературное сегодня

⁂ В честь годовщины в Тверской лагерь выехала бригада Мосгиза в составе тт. Башенцева, К. Левина и С. Щипачева. Бригада провела совещание актива литературных кружков, организовала ячейку ЛОКАФ и приняла участие в воскресниковом субботнике по уборке леса, организованном одной из частей дивизии.

Чтецы бригады ЛОКАФ готовят стихи и очерки о коренинском субботнике и лесном учебе РККА.

⁂ Секретариат ФОСП солидаризировался с опубликованными в «Литгазете» материалами о шефстве рабочих завода им. Владимира Ильича над Федерацией писателей. В ближайшие дни НА ЗАВОДЕ ИМ. ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА будет проведено ОБЩЕЕ ЗАСЕДАНИЕ секретариата ФОСП совместно с представителями заводских партийных и общественных организаций, заводского литкружка и литгруппировок. На этом совещании будет проверено выполнение взаимных обязательств по шефству, взятых ФОСП и заводом Ильича, и приняты конкретные мероприятия по оживлению шефской работы.

⁂ Татарская ассоциация пролетписателей организована по предприятиям Татарии 13 литкружков, в которые входит 200 рабочих-татар.

ИМЕЮТСЯ КОМПЛЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ за 1930 г.

Цена 3 руб.

Количество полных комплектов ограничено

За 1929 г. комплекты разошлись полностью

Комплекты высылаются по получении стоимости переводом или наложенным платежом по получении заказа

Москва, ул. Стараго Арбата, 11 «ОГОНЕК»

ПАВЛОВ-ШИШКИНЫ СЛОВАРЬ СИНОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА Новое издание 1931 г. Ц. 3 р.

ПАМЯТЬ

ЭВГЕНИКА

ЗУБЫ к повышению трудоспособности

Выдающийся книжный магазин «ПРОМЕТЕЙ» Москва, ГСП 10, Мясницкая, 26.

ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ ЕЖЕГОДНИК ЖУРНАЛА «СОВЕТСКОЕ ФОТО» ЗА 1930 ГОД

Фото-Альманах 1930 г. является сборником оригинальных статей и материалов, рисующих достижения научной и практической фотографии в СССР

Содержание

Фото-Альманах содержит 240 страниц текста с иллюстрациями.

Цена книги 2 р. 50 к.

Заказы выполняются только за наличный расчет непосредственно Издательством «ОГОНЕК». Москва, Стараго Арбата, 11

Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“

ГОС. ИЗД-ВО МОЛОДОЙ ГВАРДИИ

ВСЕМ работникам комсомольской молодежной печати, комсомольским агитпропработникам, ячейковым организаторам по печати, литературным кружкам, культработникам, библиотекарям, работникам клубов, красных уголков, изб-читален, педагогам и пионерработникам

ПОВСЕДНЕВНУЮ КОНКРЕТНУЮ ПОМОЩЬ оказывает руководящий журнал по вопросам МОЛОДЕЖНОЙ И ДЕТСКОЙ ПЕЧАТИ

КНИГА МОЛОДЕЖИ

ОРГАН ЦК ВЛКСМ ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО Отв. редактор Я. С. Цванкин

Журнал борется за нужную комсомолу и рабочей молодежи книгу, которая мобилизует молодежь на активное участие в строительстве социализма.

Борется за массовую техническую книгу, которая необходима для овладения техникой.

В осуществление генеральной линии партии в литературе для молодежи борется против правых и «левых» уклонов и ошибок в примиренческого отношения к ним.

Учит, как надо работать с книгой, как надо пользоваться книгой, журналом, газетой в работе и учебе.

Указывает, что необходимо прочесть по актуальным вопросам социалистического строительства, чтобы быть подготовленным для выполнения боевых заданий партии и комсомола, чтобы получить теоретическую зарядку по всем участкам практической работы.

Указывает, какие нужные и полезные книги нужны для молодежи.

Учит, как комсомол и молодежь должны продвигать в массу книгу.

Борется за приток комсомола и рабочей молодежи в литературу, борется за рабочие кадры авторов молодежной книги.

Большое Борется в издательстве в ДЕТСКОЙ КНИГЕ с правым оппортунизмом в ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, за новую дополнительно советскую детскую книгу.

Дает развернутую критику детской литературы, борясь за новые жанры и стиль, отвечающие великой эпохе социалистического.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 2-е ПОЛУГОДИЕ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: за 9 №№ (с апреля до конца года)—2 р. 55 к., на 6 мес.—1 р. 70 к., на 3 мес.—55 к.

Цена отдельного номера—30 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в местных магазинах и отделениях Книгоцентра, повсеместно на почте и у письмоносцев

СОДЕРЖАНИЕ

М. ПОКРОВСКИЙ. — Привет Горькому.
В. КНОРИН. — За партийную историческую науку.
В. МИНЛОС. — Причины и движущие силы испанской революции.
С. ЛОЗИНСКИЙ. — Каталонцы в истории Испании.
Э. ПЕЛУЗО — За Пиренейским хребтом.
Н. КРУПСКАЯ. — Июльские дни 1917 г. в Выборгском районе.
О. СЕФ. — Романовцы и жандармы.

МАССЫ ТВОРЯТ И ПИШУТ ИСТОРИЮ

А. ПАНКРАТОВА. — Призыв ударников к исторической литературу.
Н. ШИХЕЕВ. — История завода АМО. Ударники Поваляев и Салов.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Е. СТЕПАНОВА. — Эрфурт—Гейдельберг—Лейпциг.
С. ЛАПИЦКИЙ. — Как я ушел от непосвященных.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФРОНТ

Н. ЛУКИН. — Как социал-фашисты пишут историю.

Журнал богато иллюстрирован. Ц. 1 р.

ПЕЧАТАЕТСЯ № 3 журнала БОРЬБА КЛАССОВ

Подписная цена «Борьбы классов» без приложения: год—10 руб., в мес.—5 руб. 60 к., 3 мес. — 3 руб.

«БОРЬБА КЛАССОВ» с 1 августа, с приложением 24 книг библиотеки «Всемирной истории» (с 1 января по 31 декабря комплектом)—22 руб. Рассрочка: при подписке—12 р. 50 к., к 1 сентября — 5 р. 50 к. и к 1 января — 4 руб.

Подписчики на «БОРЬБУ КЛАССОВ» с приложением «Всемирной истории», вносящие по подписке в рассрочку только два взноса, должны немедленно внести третий взнос — 5 руб. Не внесшим очередного взноса высылка журнала с № 5 прекращается.

Подписку сдавайте заблаговременно и только почте. Подписка принимается до определенного [illegible] по месту местной почтой. Оплата [illegible] принимается на следующий месяц.

Акц. изд. о-во «ОГОНЕК».

1-й ИППОДРОМ КОНЕВОДТРЕСТА СОЮЗА ССР

Ленинградское шоссе, 25. ● Автобусы: № 1 (от Страстной) 3, 6. Трамваи: № 1 (до тяжести) 6, 13, 16, 25

БЕГА и СКАЧКИ

СРЕДА, ПЯТНИЦА, ВОСКРЕСЕНЬЕ

Начало в 5 час.

III ВЫСТУПЛЕНИЯ РЕКОРДИСТОВ—

ЛЕНИНГРАДА: Прозрачный, Термин, Мираж, Дремучий-Лес. Наездники — Беляев, Павлов, Карлов.

ХАРЬКОВА: Спалена-Кафа, Набат, Грабовый-Листок, Водяна-Русалка, Малеванний-Глечик, Мицний-Лар. Наездники — Стасенко, Цветков.

СКАЧКИ 2-х и 3-хлетних питомцев верховых конесовхозов

БАРЬЕРНЫЕ СКАЧКИ консостава РККА.

РЕСТОРАН ОРКЕСТР

След. дни бегов и скачек: 22, 24, 26, 29, 31 июля.

АНОНС: Открывается прокатная конюшня. Катанье по ипподрому и в поле на верховых и рысистых лошадях.

Справки и заказ лошадей по тел. № Д 3-73-40.

Уполн. Главлита В 7032.

Интернациональная (39) тип. «Мосполиграф», пр. им. Скворцова-Степанова, д. 3.